

INSPIRIA

**ОДНИМ
ЛАЙКОМ
МЕНЬШЕ
ЭЛЛЕРИ
ЛЛОЙД**

Ее любят миллионы
мамочек.
И ненавидит одна...

INSPIRIA

Эллери Ллойд

Одним лайком меньше

Серия «Ток. Блестящий триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65939430

Э. Ллойд. Одним лайком меньше: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156617-3

Аннотация

Ты – звезда Инстаграма. Твоим словам внимают миллионы фолловеров. Тебе завидуют, тобой восхищаются, тебе подражают. У тебя есть все и даже больше. Но ты не заслужила этого. Я знаю правду. Ты превратила свою семейную жизнь в бесконечное реалити-шоу и готова идти по головам ради лайков и подписчиков. Твои маленькие дети, твой любящий, красивый муж, твой уютный дом и семейный быт – все бесстыдно выставлено напоказ. Так что я знаю про тебя все. И однажды я приду за тобой и твоей семьей...

В этом захватывающем психологическом триллере Эллери Ллойд исследует современную культуру социальных сетей: нашу отчаянную потребность в популярности и риски, на которые мы готовы пойти, чтобы понравиться незнакомцам в интернете – но при этом забываем об опасностях реальной жизни за пределами экрана...

«Прочла за один присест... Захватывающе и оригинально. Bravo, Эллери Ллойд!» – *Клэр Макинтош*

«Социальные сети еще никогда не были такими мрачными и привлекательными. Волнующий взгляд на мир инфлюенсеров и то, как он влияет на их семьи». – *Саманта Даунинг*

«Умный, оригинальный и увлекательный триллер с захватывающим набором реалистичных персонажей». – *Дженни Кинтана*

«Идеальный современный триллер. Притягательная и одновременно отталкивающая главная героиня, изящное повествование от двух лиц, основанное на сценарии, который легко вообразить... Совершенно невозможно оторваться. Мне казалось, что каждая глава заканчивается на крутом моменте, и мое сердце уходило в пятки. Мне понравилось». – *Кэролайн Коркоран*

«Не читайте эту книгу в поезде – я пропустила свою остановку... С одной стороны, это увлекательный и остроумный page-turner. С другой стороны – книга, которая заставит вас по-другому взглянуть на жизнь в двадцать первом веке». – *Холли Уотт*

Захватывающий, заставляющий задуматься, продуманный до мельчайших деталей роман. Я подозревала всех по очереди... Поистине блестящее и освежающе оригинальное произведение». – *Карен Гамильтон*

«Закрученный и мрачный, как все большие триллеры». – *Эбби Гривз*

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	48
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Эллери Ллойд

Одним лайком меньше

Ellery Lloyd

People Like Her

© Ellery Lloyd Ltd, 2021

© Хохлова Ю. С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

Кажется, я умираю.

По крайней мере, вся жизнь проносится у меня перед глазами.

Мое самое раннее воспоминание: зима, начало восьмидесятых. На мне варежки, уродская вязаная шапочка и красное пальто на пару размеров больше, чем нужно. Мама катает меня по двору на голубых пластиковых санках. Улыбка примерзла к ее лицу. Помню свои оледеневшие пальцы, санки, подпрыгивающие на каждой кочке, хруст снега под мамиными сапогами...

Первый день в школе. Я размахиваю коричневым кожаным портфелем; в пластиковом окошке – карточка с моим именем: «ЭММЕЛИНА». Темно-голубой гольф сполз к щиколотке, волосы собраны в два хвостика, чуть-чуть разных по длине.

Нам с Полли двенадцать лет. Я у нее в гостях с ночевкой. Мы в клетчатых пижамах, с косметическими масками на лицах, ждем, пока в микроволновке разогреется попкорн. Мы, чуть постарше, собираемся на вечеринку в честь Хэллоуина, где я впервые поцелуюсь с мальчиком: Полли в костюме тыквы, я – Женщина-кошка. Снова мы, в джинсах и «Док Мартенсах», жарким летним днем отдыхаем на скошенном поле. В платьях в полоску и бархотках собираемся на выпускной

бал.

Воспоминания мелькают, словно слайды. Не могу припомнить ни одного мало-мальски значимого события своей подростковой жизни без нескладной, неловкой Полли с вечной смущенной улыбкой.

Как же это грустно...

Студенческие годы пролетели, как в бреду. Работа. Вечеринки. Пабы. Пикники.

Честно говоря, период с двадцати пяти до тридцати лет тоже малость смазался. Однако есть вещи, которые я никогда не забуду.

Мы с Дэном в фотобудке. Это наше третье или четвертое свидание. Я обнимаю его за плечи. Он невероятно красив. Мы до нелепого юны и по уши влюблены друг в друга.

Наша свадьба. Я подмигиваю подружке за кадром, пока мы произносим брачные клятвы. Дэн с серьезным лицом надевает кольцо мне на палец.

Наш медовый месяц. Мы на Бали, обалдевшие от жары и обгоревшие на солнце, кайфуем в пляжном баре и любуемся закатом.

Трудно поверить, что мы были так молоды, счастливы и невинны.

Момент, когда на свет появилась Коко, отчаянно вопящая, белесая и скользкая. Ее сморщенное личико навсегда запечатлелось в моей памяти.

Хохочущая Коко, вся обсыпанная конфетти, встречает

четвертый день рождения.

Мой сын, Медвежонок, двух недель от роду, слишком маленький даже для крошечной пижамки, дремлет на руках у счастливой сестры.

Только теперь до меня доходит, что образы, которые я вижу, – не настоящие воспоминания, а фотоснимки. Дни и годы спрессовались в статичные изображения.

Этих фрагментов, этих стоп-кадров, становится больше. Они все быстрее мелькают у меня перед глазами.

Медвежонок плачет в коляске.

Разбитый стакан на кухонном полу.

Моя дочь свернулась калачиком на больничной койке.

Статья на первой полосе газеты.

Я пытаюсь проснуться, открыть глаза, но не могу – веки будто налились свинцом.

Мне горько не оттого, что я умираю, а оттого, что больше никого из них не увижу, не смогу сказать то, что хотела. Дэну – «я тебя люблю». Маме – «я тебя прощаю». Полли – «надеюсь, ты меня простишь». Медвежонку... Коко...

Меня накрывает ужасное предчувствие.

Кажется, во всем виновата я.

За шесть недель до этого

Глава 1

Эмми

Я не собиралась становиться инстамамой. Долгое время я вообще сомневалась, что хочу быть матерью, однако, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

Сейчас моя жизнь состоит из мокрых сосков и цепких кулачков, я уверенно и профессионально подтираю попки двум щекастым спиногрызам, но если отмотать на пять лет назад, меня можно было назвать настоящей модницей. Не обращайтесь внимания на дергающийся глаз; представьте вместо растрепанного лоснящегося пучка роскошную укладку, вместо небрежного мазка помады – аккуратный ярко-алый контур. Добавьте эффектные серьги, на которых теперь моя трехлетняя дочь подтягивается, испытывая мамины уши на прочность, узкие джинсы, шелковую блузку из «Эквипмент» и – вуаля! – готово.

Я работала редактором модного журнала. Еще будучи прыщавой, кривозубой, толстозадой школьницей, я мечтала об этой работе и ни о чем другом даже думать не желала. Полли тому свидетель – милая, многострадальная Полли; счастье, что она до сих пор со мной общается, после того

как я часами заставляла ее изображать фотографа на моих фотосессиях, ковылять по палисаднику в маминых туфлях на шпильках или целыми днями делать собственный модный журнал с помощью пожелтевших вырезок из «Дейли мейл» и клеящего карандаша (разумеется, редактором была я, и только я).

Как же я докатилась до жизни такой, спросите вы. В иные времена – например, вытирая попу грудничку или готовя очередную порцию овощной бурды – я спрашиваю себя о том же. Кажется, все произошло мгновенно. Вот я в платье от «Фенди» сижу в первом ряду на Миланской неделе моды, а потом – бац! – в растянутых трениках пытаюсь удержать годовасика от разгрома бакалейного отдела в «Сэйнсбери».

Скажу вам честно, мое превращение из знатока моды в обалдевшую мамашу можно считать удачным стечением обстоятельств. Люди стали терять интерес к глянцевым журналам, читательская аудитория сократилась, бюджеты тоже. В результате, только я начала подниматься по карьерной лестнице, как ее буквально вышибли у меня из-под ног, а в довершение всего я узнала, что беременна.

Проклятый интернет, подумала я, из-за тебя я лишилась карьеры – зато теперь благодаря тебе построю ее заново вокруг материнства.

Так я занялась блогингом и влогингом. Взяла себе ник «Босоножка» – в честь моих любимых босоножек на шпильке. И знаете что? Конечно, чтобы найти свой стиль, при-

шлось изрядно постараться, зато я поймала нереальный кайф от общения с единомышленницами.

Перематываем к первым месяцам после родов. За девятьсот тридцать семь часов, что я провела на диване с малышкой Коко, намертво присосавшейся к моим разбухшим грудям, «Айфон» стал для меня единственной связью с внешним миром, а сообщество женщин, с которыми я познакомилась в интернете, – спасательным кругом. Блогинг и влогинг были моей первой онлайн-любовью, однако от послеродовой депрессии меня уберег «Инстаграм». Каждый комментарий от мамочки, прошедшей через то же, что и я, придавал мне сил, словно дружеское рукопожатие. Именно в «Инстаграме» я встретила родственные души.

Постепенно из моего блога исчезли «лабутены», уступив место маленькому человечку. «Босоножка» превратилась в «ПростоМаму», потому что я – мама, которая рассказывает о мамских буднях с улыбкой, *попросту*. И уж поверьте, когда пять недель назад на свет явился мой второй рыгающий сверток, Медвежонок, – жизнь стала куда более... интересной. Прокладка для груди, наспех сложенная из салфетки от «Хэппи мила», контрабандный глоток джина на детской площадке, – я покажу вам всю правду без прикрас (разве что слегка присыпанную крошками от чипсов).

По мнению хейтеров, в «Инстаграме» демонстрируется безупречная жизнь – профильтрованная, отутюженная и упакованная в маленькие аккуратные квадратики. Да кто бу-

дет заморачиваться такой ерундой, если под рукой есть вечно перемазанный в кетчупе спиногрыз-энерджайзер? Но когда в онлайне и офлайне случается тотальный перегруз, когда телефон задымился, еда подгорела, а мозг вскипел, я вспоминаю, что занимаюсь этим ради семьи. А еще ради легиона инстамамочек, которые всегда меня поддерживают, невзирая на то, что на мне уже несколько дней один и тот же бюстгальтер для кормления.

Именно для вас я начала кампанию #серыебудни. Мы делимся историями из жизни и организуем встречи в офлайне, где обсуждаем способы борьбы с депрессией. Особо хочу отметить – часть прибыли от продажи фирменной продукции #серыебудни идет на то, чтобы привлечь внимание к теме душевного здоровья молодых матерей.

Если б меня попросили доступно объяснить, чем я занимаюсь, я назвала бы себя, не побоюсь этого слова, многопрофильной мамой. Такое определение, несомненно, вгонит в ступор нашу пожилую соседку Джойс. Она понимает, чем занимается наш ПростоПапа, – пишет романы. А кто я? «Инфлюэнсер» звучит страшновато. Чирлидер? Идейный вдохновитель? Да какая разница? Я просто делаю свое дело, делюсь семейной жизнью без прикрас и, смею надеяться, способствую более осознанному обсуждению проблем материнства и воспитания детей.

Я построила свой бренд на честности и буду придерживаться этого принципа, что бы ни случилось.

Дэн

Брехня.

Брехнябрехнябрехнябрехнябрехня.

Я столько раз слышал, как Эмми произносит эту речь, что уже не замечаю, какую дикую мешанину из выдумок, натяжек и умолчаний она городит. Пропускаю мимо ушей абсолютно недостоверное, но крайне правдоподобное описание событий, которые могли произойти (но не произошли), которые действительно произошли (но все было не так) и которые мы с ней запомнили совершенно по-разному (и это еще мягко сказано). Однако сегодня все иначе. По необъяснимой причине этим вечером, когда Эмми рассказывает аудитории свою историю – в значительной степени *нашу общую* историю, – я внимательно слежу за всеми искажениями, преувеличениями и подтасовками фактов.

Через три минуты бросаю это дело.

На всякий случай хочу пояснить: я вовсе не называю свою жену лгуньей.

Американский философ Гарри Гордон Франкфурт остроумно разделяет ложь и брехню. Ложь, пишет он, есть неправда, намеренно нацеленная на введение в заблуждение. Брехня же получается, когда говорящему нет дела до того, что его слова не соответствуют действительности. Пример: моя жена никогда не сворачивала прокладку для груди из салфетки

от «Хэппи мила». Подозреваю, она и «Хэппи мил» ни разу не брала. У нас нет соседки по имени Джойс. Если верить школьным фотографиям, хранящимся у моей тещи, Эмми была худенькой и симпатичной девушкой.

Наверное, в каждом браке наступает момент, когда один из супругов начинает прилюдно опровергать истории из жизни, которые рассказывает его вторая половина.

А может, я просто сегодня не в духе.

Надо отдать моей жене должное: она – настоящий мастер своего дела. Кроме шуток. Я сотни раз видел, как Эмми брешет без зазрения совести – на мероприятиях вроде этого, в сельских клубах, книжных магазинах, кофейнях и коворкингах от Уэйкфилда до Уэстфилда, – но, даже зная, что подавляющая часть того, о чем она вещает, имеет лишь отдаленное отношение к реальности, не могу не восторгаться ее талантом общаться с людьми: удерживать внимание, вызывать понимающие смешки. Когда она рассказывает о контрабандном глотке джина, женщина на заднем ряду буквально завывает от восторга. Моя жена умеет располагать к себе людей. Она им нравится.

Ее агент будет довольна: ей удалось вернуть фразу про серые будни. Виноват, #серыебудни. Я заметил в зале минимум трех человек в фирменных синих свитшотах: сзади – логотип «ПростоМама» и #серыебудни, спереди – надпись «Просто улыбнись». Кстати, логотип выглядит так: женские груди, а между ними – головка младенца. Лично я выбрал

медведицу с медвежонком, но мое предложение было отвергнуто. Отчасти поэтому я делаю все, чтобы не надевать свитшот, когда прихожу на подобные сборища, – якобы случайно забываю дома, в другой сумке, в стиральной машине, на вешалке, бог знает где, нужное подчеркнуть. Всякий раз какая-нибудь восторженная подписчица просит совместное фото на память и тут же постит его в «Инстаграме», а я не хочу остаться в интернет-вечности в джемпере с сиськами.

Все-таки у меня тоже есть достоинство.

Сегодня я присутствую здесь исключительно в качестве разнорабочего. Выгружаю из такси коробки с мамским мерчем, помогаю распаковывать и стараюсь не кривиться, когда слышу выражения вроде «мамский мерч». Наливаю шампанское, разношу капкейки. Выручаю Эмми, если к ней подходит какая-нибудь неадекватная фанатка или ее втягивают в чересчур долгий разговор. Стоит ребенку заплакать, и я поднимаюсь на сцену, осторожно забираю его у Эмми и укачиваю. Впрочем, сегодня Медвежонок ведет себя идеально: наш славный мальчик пяти недель от роду безмятежно сосет грудь, не подозревая, что находится на сцене перед толпой чужих людей. Иногда у Эмми интересуются, не повлияло ли рождение второго ребенка на нашу семейную жизнь и как нам удастся сохранить свежесть отношений; тогда она со смехом вызывает меня из зала, чтобы я помог ей ответить на вопрос. Когда ее спрашивают об онлайн-безопасности, она доверяет мне изложить три золотых правила, которыми мы

руководствуемся, размещая семейные фотографии в интернете. Первое: никогда не показываем детали, благодаря которым можно вычислить, где мы живем. Второе: никогда не выкладываем снимки детей в ванной, обнаженными или на горшке; не фотографируем Коко в купальнике или другой одежде, которая на взрослой женщине выглядела бы сексуально. Третье: внимательно следим за подписчиками и блокируем тех, в ком сомневаемся. Так нам посоветовали эксперты.

Но у меня все равно остаются опасения.

Эмми постоянно рассказывает, как начала вести блог о материнстве, – якобы в попытке выйти в большой мир и узнать, есть ли на свете женщины, проходящие через то же, что и она. Полная чушь. Если вы думаете, будто моя жена завела аккаунт в соцсети случайно, значит, вы совсем ее не знаете. По-моему, Эмми вообще ничего не делает случайно.

Хорошо помню день, когда все началось. Утром она обмолвилась, что в обед у нее деловая встреча, а вечером упомянула, что разговаривала с агентом. На тот момент она была беременна три месяца; всего пару недель назад мы сообщили радостную новость моей маме. «С каким таким агентом?» – спросил я. Мне и в голову не приходило, что у интернет-знаменитостей бывают агенты. Следовало догадаться. Когда Эмми работала в журнале, то регулярно рассказывала, сколько они заплатили какому-нибудь тупому блогеру, чтобы тот накропал пару абзацев, попозировал для фо-

то, или провел мероприятие, или упомянул журнал в своем блоге. Она показывала мне их писанину. Читаешь и думаешь – то ли Альцгеймер у тебя, то ли у того, кто написал эту хрень. Короткие предложения, бессмысленные метафоры, разрозненные мелкие детали, призванные создать впечатление правдоподобности. Неестественно точные цифры (482 чашки остывшего чая, 2342 часа бессонницы, 27 непарных детских носков), слова, значения которых автор не понимает. «Ты тоже мог бы строчить такие тексты, – шутила Эмми. – И зачем ты пишешь романы?» Мы оба смеялись. Когда она вернулась с делового обеда и рассказала, с кем встречалась, я сперва решил, что это тоже шутка. Потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить масштаб ее затеи. Мне представлялось так: максимум, что удастся с этого получить, – бесплатную пару обуви. Я и предположить не мог, что Эмми купила доменные имена и зарегистрировала в «Инстаграме» аккаунты «Босоножка» и «ПростоМама» еще до того, как написала первый текст о туфлях на шпильках, не говоря уже о том, что через три года у нее будет миллион подписчиков.

Самый первый совет, данный агентом, – все должно выглядеть органично, словно Эмми начала вести блог по чистой случайности. Думаю, никто из нас не представлял, что у нее так здорово получится.

Поскольку брехня основана на полном отрицании значения правды, профессор Франкфурт считает ее гораздо более

опасной и разъедающей социальные устои, чем старая добрая ложь. Кстати сказать, у профессора на порядок меньше подписчиков в «Инстаграме», чем у моей жены.

– Я построила свой бренд на честности, – произносит Эмми привычную заключительную фразу, – и буду придерживаться этого принципа, что бы ни случилось.

Она ждет, пока стихнут аплодисменты. Берет стакан с водой, делает глоток.

– У вас есть вопросы?

* * *

У меня вопрос.

Не в тот ли вечер я приняла окончательное решение, как именно тебя покараю?

Да, в тот самый вечер.

Разумеется, я много думала об этом и раньше, но то были глупые нереализуемые фантазии.

Человеческий мозг – странная штука.

Мне казалось, если я увижу тебя, то стану меньше ненавидеть.

Ничего подобного.

Я никогда не была жестокой. Я вообще не злопамятна. Если мне наступают на ногу, я первая извиняюсь.

Единственное, чего мне хотелось, – задать тебе вопрос. Всего один вопрос. За этим я и пришла. В самом конце тво-

его выступления я подняла руку. Ты меня видела, но попросила дать микрофон женщине, сидевшей передо мной, и похвалила ее прическу. Потом предоставила слово женщине справа от меня и назвала ее по имени. Вместо вопроса та поведала идиотский случай из собственной жизни.

А потом кто-то сказал, что время вопросов вышло.

Я пыталась поговорить с тобой после выступления, однако вокруг тебя собралась целая толпа, поэтому я околачивалась неподалеку с бокалом теплого белого вина, стараясь привлечь твое внимание. Ты меня не заметила.

Конечно, ты не должна была меня узнать. Мое лицо ничем не выделялось из толпы. Даже если бы мне удалось заговорить с тобой и представиться, ни мое имя – ни ее имя – ни о чем бы тебе не сказали.

Однако когда я увидела тебя на сцене и услышала, как ты невозмутимо распространяешься о своей жизни, вся такая улыбающаяся и счастливая, мне стало окончательно ясно: я не успокоилась, не смирилась. Я не простила тебя и никогда не смогу простить.

Именно в тот момент я поняла, что делать.

Осталось только придумать, где, когда и как.

Глава 2

Дэн

Мне часто говорят: «Как здорово, что вы писатель и работаете дома! Вам, должно быть, приятно проводить столько времени с Эмми и детишками...» Эти люди вообще не представляют, как работает писатель.

Подъем в шесть утра. В шесть пятнадцать я уже на кухне, за ноутбуком, пью кофе и перечитываю последние абзацы вчерашнего текста. По плану, к семи тридцати я должен написать минимум пятьсот слов. В половину девятого пью вторую чашку кофе. В идеале, к обеду нужно выполнить дневную норму, чтобы посвятить оставшуюся часть дня работе над сюжетом, разбору почты и приему платежей за статьи, которые я на скорую руку кропаю за бокалом вина по вечерам или на выходных.

Так было раньше.

Сегодня утром, едва пробило шесть, я на цыпочках спускался по лестнице в надежде немного поработать, прежде чем домашние проснутся (в шестидесяти шести процентах случаев вопя, визжа и требуя подать то или это). На самой нижней ступеньке я наступил на говорящего игрушечного

единорога; тот с грохотом упал на паркет и принялся распевать песенку про радугу. Я замер в темноте и ждал. Ждать пришлось недолго. Для столь крошечного создания у моего сына очень мощные легкие. «Извини», – сказал я, когда Эмми вручила его мне. «Проверь ему подгузник», – велела она. Из комнаты Коко раздался сонный голосок – моя дочь спрашивала, сколько времени. «Еще рано, спи», – ответил я.

А вот Медвежонок проснулся и засыпать обратно не желал. Я отнес его на кухню, поменял подгузник, передел в новую пижамку, а старую положил в мешок для грязного белья, решив, что запущу стиральную машину попозже. Наконец мы уселись на диване у холодильника. Следующие полчаса Медвежонок верещал, а я подбрасывал его на коленке и уговаривал попить из бутылочки. Потом поносил его на плече, пока он не срыгнул, уложил в переноску и полчаса ходил с ним по саду. В семь утра я вернул его Эмми, а сам пошел будить Коко на завтрак.

– Бог ты мой, неужели целый час пролетел? – спросила моя жена.

Ровно час, и ни минутой меньше.

Двое детей отнимают уйму сил. Не знаю, как справляются люди, чьи отпрыски спят не так хорошо, как наши. Нам с Эмми безумно повезло: с трех или четырех месяцев Коко спит ночью по двенадцать часов. Глаза закрыла – и всё, дрыхнет без задних ног. Если мы брали ее с собой на вечеринку, можно было спокойно оставлять переноску в сосед-

ней комнате: Коко спала как убитая до самого утра. Судя по всему, Медвежонок будет такой же. Конечно, из «Инстаграма» Эмми вы об этом не узнаете – она постоянно рассказывает про дергающееся веко, черные круги под глазами и истрепанные нервы. С самого начала было ясно, что тема «Мои детки спят идеально» не прокатит. Никакого контента. Если честно, мы и в разговорах с другими родителями грудничков стараемся об этом не распространяться.

После восьми – если быть точным, в семь минут девятого – Медвежонок засыпает. Коко и Эмми наверху обсуждают, что моей дочери надеть. У меня за плечами два часа активного отцовства. Пора поставить в микроволновку остывшую чашку кофе, приготовленную полтора часа назад, включить ноутбук и попытаться настроиться на рабочий лад.

К восьми сорока пяти я перечитал вчерашний текст, кое-что в нем подправил и уже готов добавить на страницу новую порцию слов.

В девять тридцать звонят в дверь.

– Мне открыть? – ору я из кухни в спальню.

За прошедшие сорок пять минут я написал всего двадцать шесть слов и размышляю, не удалить ли двадцать четыре из них.

Не хочу, чтобы меня прерывали.

– Так что, мне открыть?

Нет ответа.

В дверь снова звонят.

Тяжело вздыхаю и отодвигаю стул от стола.

Кухня находится на первом этаже. Я купил дом в две тысячи восьмом на деньги, унаследованные после смерти отца. Тогда я жил здесь с товарищами, и кухней мы практически не пользовались – разве что вешали в ней выстиранную одежду. Там было не очень-то уютно: продавленный диван, сломанные часы, липкий линолеум, протекающая стиральная машина. Из окна открывался вид на бетонную террасу, крытую рифленой пластиковой крышей. Эмми, переехав ко мне, первым делом потребовала выкинуть рухлядь, пристроить террасу к дому и превратить кухню в нормальное помещение для приготовления и приема пищи. Что мы и сделали.

Наш дом – последний в ряду одинаковых георгианских таунхаусов примерно в миле от метро, напротив весьма приличного паба. Когда я только приехал в этот район, он казался мне подающим надежды. Надежды оправдались. Раньше в пятницу вечером рядом с пабом случались регулярные потасовки – всё честь по чести, с заваливанием противника на капот автомобиля, разрыванием рубашек и битьем бутылок. Теперь же, чтобы попасть в выходной день на бранч, нужно бронировать столик заранее, а в меню появились щечки трески, чечевица и чоризо.

Одна из причин, по которой я стараюсь написать как можно больше по утрам, – после полудня звонки в дверь не прекращаются. Каждый раз, когда Эмми задает в «Инстаграме» вопрос, например: «Коко надоели ее мультивитамины. По-

советуете что-то новенькое?» или «Кто-нибудь знает сыворотку, чтобы убрать мешки под глазами?» или «Наш блендер сломался – мамочки, порекомендуйте хорошую модель», – она немедленно получает тучу писем от производителей с предложением прислать образец. Собственно, ради этого все и делается: так быстрее и дешевле, чем заказывать в интернет-магазине. Всю неделю Эмми жаловалась на свои волосы – и всю неделю компании заваливали нас бесплатными выпрямителями, средствами для укладки, шампунями и кондиционерами, упакованными в подарочную бумагу и перевязанными ленточками.

Не хочу показаться неблагодарным, но когда Толстой писал «Войну и мир», ему не приходилось каждые пять минут вставать и расписываться за посылку с какой-нибудь бесплатной ерундой.

Чтобы добраться до входной двери, нужно пройти мимо лестницы, ведущей на второй этаж (три спальни, одна ванная), и гостиной (диван, телевизор, игрушки). Протиснувшись мимо лежачей коляски, сидячей коляски, беговела, самоката и вешалки, ломящейся от одежды, снова наступаю на единорога и произношу про себя нечто непечатное. Трудно поверить, что вчера здесь побывала домработница. Всюду разбросаны кубики «Лего» и всевозможная обувь. Стоит отвернуться на пять минут, как дом превращается в бардак. Романист Сирил Коннолли остроумно заметил: «У настоящего искусства нет хуже врага, чем детская коляска в прихо-

жей». В нашем доме детская коляска в прихожей становится врагом каждому, кто пытается пройти по этой самой прихожей. Кое-как протискиваюсь мимо нее, приглаживаю волосы перед зеркалом и открываю дверь.

На пороге двое, мужчина и женщина. Женщина довольно молода – до тридцати, симпатичная. Ее лицо кажется мне смутно знакомым. Пепельные волосы собраны в растрепанный хвост. Судя по всему, она собиралась в четвертый раз нажать кнопку звонка. Мужчина чуть старше, за тридцать, бородатый, лысеющий. У его ног большая сумка, еще одна на плече и камера на шее.

– Вы, должно быть, ПростоПапа, – говорит женщина. – Я Джесс Уоттс.

Ее имя тоже кажется мне знакомым. Только когда мы обмениваемся рукопожатиями, до меня доходит.

Господи боже мой.

«Санди таймс».

Корреспондент и фотограф из «Санди таймс» пришли сфотографировать нас с Эмми и взять у нее интервью.

Джесс Уоттс спрашивает, не помогу ли я с сумкой. Конечно, отвечаю я. Крякнув от натуги, поднимаю здоровенный баул и жестом приглашаю их в дом.

– Входите, пожалуйста.

Извиняясь за лежащую коляску, сидячую коляску и все прочее, веду их в гостиную. Там бардак еще хуже, чем в прихожей. По комнате раскиданы клочки от воскресных газет,

на полу валяются пульты от телевизора, под ногами – восковые мелки. Указываю фотографу место, куда можно поставить сумку. Джесс делает пометки в блокноте.

«Мы думали, вы придете в среду», – собираюсь сказать я и тут же понимаю: сегодня как раз среда. Удивительно, насколько быстро родители младенца теряют счет времени. Воскресенье помню, понедельник помню. А что было во вторник? Стерлось из памяти. Наверное, когда я открыл дверь, на лице у меня отразились все признаки амнезии.

– Может, чаю? – предлагаю я. – Или кофе?

Они заказывают белый кофе с двумя ложками сахара и травяной чай с капелькой меда, если найдется.

– Эмми! – зову я.

Скорее всего, жена говорила мне, что сегодня придут из «Санди таймс». Так, между делом. Возможно, когда я за полночь ложился в постель или утром забирал у нее малыша. Я пару дней не брился. Голова немытая. Один носок надет наизнанку. У меня не было времени разложить повсюду интересные книги и убрать с глаз долой пожелтевший от солнца позавчерашний «Ивнинг стандарт». Трудно выглядеть серьезным человеком, когда стоишь в старой джинсовой рубашке с двумя оторванными пуговицами и пятном овсянки на груди.

«Санди таймс». Репортаж на пять страниц: знаменитые инстародители в домашней обстановке. Надо будет уведомить моего агента, когда статья выйдет в свет. Как говорит-

ся, никакой рекламы – просто напомнить, что я еще жив.

Фотограф и журналистка обсуждают, с чего лучше начать – с интервью или фотосессии. Мужчина задумчиво бродит по комнате в поисках подходящего освещения. «Обычно нас фотографируют там, – указываю я на оранжерею. – Вон в том кресле, на фоне сада». Не то чтобы меня часто снимали. Иногда я стою за кадром, строю рожи Коко, чтобы она улыбнулась, или просто наблюдаю. Но чаще всего, если журналисты вторгаются неожиданно, как сейчас, я беру ноутбук и уединяюсь в студии в дальнем конце сада. Впрочем, «студия» – это громко сказано: скорее, сарай с электрической лампочкой и обогревателем.

Женщина берет с полки нашу свадебную фотографию – я, Эмми и Полли, подруга невесты. Мы стоим рука об руку и улыбаемся. Бедняжка Полли; ей явно не по себе в этом платье. Эмми воспользовалась нашей свадьбой в качестве предлога, чтобы принарядить свою лучшую подругу – кстати, весьма симпатичную девушку, хотя у нее вкус в одежде, как у моей мамы. До этого Полли вежливо, но твердо отказывалась принимать советы Эмми в выборе гардероба. «Надо оказать услугу одинокой подруге», – заметила моя будущая жена, просматривая список гостей на предмет холостяков. Полли шикарно выглядела в новом платье, однако стоило фотографу или Эмми отвернуться, как она прикрывала обнаженные руки и плечи кардиганом, снимала туфли на высоком каблуке и разминала ступни. Надо отдать ей должное

– Полли целый день улыбалась, несмотря на то что самый подходящий из моих друзей, которого мы нарочно посадили рядом с ней, весь вечер болтал с девушкой по другую руку от него.

– Я так понимаю, Дэн, вы пишете романы, – говорит женщина из «Санди таймс», ставя фотографию на место. Она даже не пытается сделать вид, будто знает мое имя или читала что-то из моих произведений.

Со сдержанной улыбкой выдавливаю нечто вроде «типа того» и указываю на книжную полку. Там стоят экземпляры моего романа – в твердом переплете, в мягком переплете, а также в переводе на венгерский. Журналистка вытаскивает книгу в твердом переплете, бросает беглый взгляд на обложку и небрежно ставит обратно.

– Угу... И когда он вышел?

– Семь лет назад, – говорю я. И тут же понимаю: не семь, а восемь. Восемь лет назад – кто бы мог подумать! Я был неприятно удивлен, когда Эмми тактично заметила, что мне не стоит использовать фотографию с задней сторонки переплета в качестве аватара на «Фейсбуке». «Фотка хорошая, – ободряюще сказала моя жена, – просто ты малость изменился». «За столько лет», – этого она не произнесла.

Фотограф спрашивает, о чем был роман. Писатели ненавидят этот вопрос, а словечко «был» – как последний поворот скальпеля. Раньше я ответил бы так: если б я мог упаковать основную мысль в одно-два предложения, то не стал

бы изводить бумагу. Или отшутился: мол, содержание книги – двести пятьдесят страниц, семь фунтов девяносто девять пенсов. Хочется верить, что с тех пор я малость поумнел. О мужчине, который женился на креветке, говорю я. Он смеется. Как ни странно, я начинаю испытывать к нему расположение.

В свое время роман неплохо приняли. Хвалебная рецензия Луи Берньера на обложке. «Книга недели» по версии «Гардиан». Очень мягкая критика в «Лондонском книжном обозрении», одобрительный отзыв в литературном приложении «Таймс». Права на экранизацию проданы. На задней обложке – фотография: я в кожаной куртке курю, прислонившись к кирпичной стене. У меня вид человека, перед которым открывается светлое будущее.

Через две недели после выхода книги я познакомился с Эмми.

Миг, когда я впервые ее увидел, можно назвать поворотным моментом в моей жизни.

Дело было в четверг вечером. Наш общий друг открывал свой бар на Кингсленд-роуд. Стояла такая жара, что почти все гости выбрались на улицу. Тем, кто пришел к самому началу, досталось бесплатное вино, но я задержался и был вынужден лицезреть ведра с растаявшим льдом и пустыми бутылками. В баре свободных мест не оказалось. Денек у меня выдался тяжелый, на завтра было запланировано много дел. Я искал хозяина заведения, чтобы засвидетельствовать свое

почтение и тут же откланяться, сославшись на занятость, но вдруг заметил за столиком у окна Эмми в брючном костюме и топе с глубоким вырезом. Тогда, до появления в нашей жизни розовой краски для волос (хорошо смотрится в «Инстаграме»), Эмми была более или менее натуральной блондинкой. Она ела куриное крылышко. Я решил, что узрел самую прекрасную женщину на свете. Эмми подняла глаза. Наши взгляды встретились. Она улыбнулась, не то загадочно, не то недоумевающе. Я не увидел на ее столе напитка, поэтому подошел и спросил, что ей принести. Остальное – уже история. Тем вечером она ночевала у меня. Через три недели я предложил ей переехать ко мне, а через год попросил ее руки.

Как потом оказалось, Эмми почти ничего не видит без контактных линз. Она призналась, что в тот вечер сняла их – глаза щипало то ли от пылицы, то ли еще от чего-то, – поэтому ее улыбка предназначалась расплывчатому розовому пятну, которое она приняла за представителя модного дома.

Позже выяснилось, что у Эмми был парень. Его звали Джайлз; он уехал в командировку в Цюрих и очень удивился, обнаружив, что больше не является ее единственным мужчиной. Я удивился не меньше, узнав о его существовании. Через две недели после того как мы с Эмми начали встречаться, он позвонил. Я взял трубку и велел не приставать к моей девушке, а он ответил, что они уже три года вместе. Неловко получилось.

У Эмми всегда были сложные отношения с правдой.

Наверное, мне следовало встревожиться. Вероятно, некоторые пары восприняли бы подобную ситуацию как плохое начало знакомства. Не помню, чтобы нас это беспокоило. Мы преподнесли друзьям звонок Джайлза как забавный случай, и вскоре он стал коронным застольным анекдотом, где у каждого из нас были свои реплики.

– На самом деле, – всякий раз говорила Эмми, – как только я увидела Дэна, то сразу поняла: вот мужчина, за которого я хочу выйти замуж. Поэтому прежние отношения стали совершенно несущественными. Мысленно я уже порвала с Джайлзом. Он ушел в прошлое, просто я не успела ему об этом сказать. – Она конфузливо пожимала плечами, покаянно улыбалась и бросала на меня пылкий взгляд.

Скажу откровенно: все это казалось мне ужасно романтическим.

В те времена мы были просто невыносимы – что поделаешь, типичные влюбленные.

Хорошо помню, как заявил по телефону маме (я бродил по квартире с мокрой головой, в одном полотенце, с сигаретой в руке, в поисках зажигалки), что нашел свою вторую половину.

Эмми разительно отличалась от других. Она до сих пор разительно отличается от других. Моя жена не только самая прекрасная, но и самая веселая, умная, проникательная, амбициозная женщина на свете. Она из тех, на кого хочет-

ся равняться, чьей похвалы мечтаешь добиться. Такие люди понимают тебя с полуслова и будто по мановению волшебной палочки затмевают собой все вокруг. Уже через пару часов после знакомства ты раскрываешь им душу, меняешь свои взгляды на жизнь. На выходных мы половину времени проводили в постели, половину – в пабе. По меньшей мере три раза в неделю устраивали «выходы в свет» – ужинали в небольших забегаловках, подающих ближневосточные закуски, или в современных барбекю-ресторанах, которые не бронируют столики. По средам тусили на дискотеке, по воскресеньям – в караоке. Ездили в туры выходного дня – в Амстердам, в Венецию, в Брюгге. Утром с похмелья устраивали забег на пять километров, а потом хохотали и толкали друг друга в бок, когда один из нас сдавался. Если вечером никуда не ходили, то часами нежились в ванне с книгами и бутылкой красного, периодически подливая то вина в бокалы, то горячей воды в ванну.

– Лучше быть не может. Дальше будет только хуже, – шутили мы.

Как давно это было...

Эмми

Знаете, чем обычно занимаются женщины перед приходом домработницы? Обходят весь дом, подбирают с пола крупный мусор, наводят порядок в ванной, расставляют ве-

щи по местам, чтобы не краснеть перед незнакомым человеком.

Я так не делаю. Никогда. Разумеется, к нам дважды в неделю приходит уборщица, но у нас дома всегда чисто – так было до появления детей, так продолжается и сейчас. Перед сном складываем игрушки в корзину, книжки возвращаем на полку. Ничего нельзя оставлять на лестнице. Никаких кружек на подоконнике. Брошенные на полу носки отправляются в мусорное ведро.

Это означает, что перед приходом журналистов нужно навести небольшой беспорядок. Нет, я не имею в виду пустые коробки из-под пиццы или грязные трусы, – нам требуется не настоящий бардак, а лишь его видимость: по полу живописно разбросаны вязаные динозавры, кубики «Лего» и говорящие единороги, на журнальном столике – позавчерашняя газета, в углу – развалившийся дом из диванных подушек, в неожиданных местах стратегически расставлена разрозненная обувь. Создать нужный образ нелегко: слишком грязно – выглядит отталкивающе, слишком чисто – не вызывает душевного отклика. А ПростоМама обязана вызывать душевный отклик.

Прежде чем приступить к наведению продуманного беспорядка, проверяю ленту новостей. Дэн не очень этому рад, но каждое утро в течение часа Медвежонок находится на его попечении, поскольку мне нужны руки и мозг, чтобы обработать все отклики и комментарии, пришедшие ночью.

Самое лучшее время для публикации поста – вечером, когда дети спят, а миллион моих подписчиц наливают первый бокал вина и ныряют в черную дыру соцсетей, вместо того чтобы собрать остатки сил и уделить внимание мужьям. Именно к этому моменту я подгадываю пост, с виду спонтанный и небрежный, а на самом деле заранее написанный и сфотографированный. Вчерашний выглядел так: я на фоне желтой стены со смущенной улыбкой показываю на свои кроссовки, явно от разных пар, а Медвежонок отчаянно вопит, примотанный к моей груди слингом (почему-то он терпеть его не может). Подпись к фотографии: так обалдела от недосыпа, что вышла на улицу в кофте наизнанку и разных кроссовках – розовом «Найке» и зеленом «Нью Бэланс», а веселый пацан из тридцать восьмого автобуса одобрительно крикнул мне: «Клевый прикид!»

Такое определенно *могло* случиться. Я придерживаюсь стиля «честный блог», поэтому в моих постах должно быть зерно правды. Это мой муж пишет романы, а я совершенно не способна придумать что-то с нуля. Необходима искорка реальности, чтобы разжечь воображение и создать правдоподобную историю. К тому же так гораздо проще запоминать мамские злоключения, чтобы впоследствии самой себе не противоречить; это особенно важно, потому что мне приходится пересказывать одни и те же случаи из жизни на интервью, конференциях и выступлениях.

На сей раз не было ни веселого пацана, ни разрозненных

кроссовок, ни тридцать восьмого автобуса. Я собиралась в супермаркет и едва не вышла на улицу в кофте наизнанку.

В конце поста я задала вопрос подписчицам, приходилось ли им из-за недосыпа попадать в неловкие ситуации, – классический способ вовлечения аудитории. Разумеется, чем больше вовлеченность, тем больше брендов готовы платить за рекламу.

За ночь мне пришло 687 комментариев и 442 сообщения в директ; все нужно прочесть, на половину ответить. Иногда это отнимает больше времени, чем обычно: если пишет мамочка в глубокой депрессии или женщина, находящаяся на грани безумия из-за того, что у ее малыша колики и он часами кричит, я отвечаю им лично, подбирая для каждой слова поддержки. Порой не знаешь, что сказать, ведь мне не доводилось испытывать такие же трудности, – но я не могу оставить этих женщин без ответа, особенно если их близкие не проявляют понимания.

«Привет, Таня, – пишу я. – Знаю, как это ужасно, когда ребенок кричит и кричит без конца. У маленького Кая режутся зубки? Коко страшно мучилась, когда у нее лезли передние. Я давала ей жевать холодный банан. Помогало. А мазь для десен ты пробовала? О себе тоже не забывай. Постарайся поспать, пока малыш спит. Ты все преодолеешь. Я мысленно с тобой».

Тут же приходит реакция «просмотрено», как будто КрошкаТаня_1991 все это время не сводила глаз с экрана в

ожидании моего ответа. Она сразу же начинает печатать, однако мне пора двигаться дальше.

«Ты вообще не плохая мать, Карли. Даже не сомневайся – твой малыш тебя любит. Но тебе обязательно нужно с кем-нибудь поговорить – например, с доктором или с мамой. Хотя бы просто зайти в ближайшее кафе и завести разговор с официанткой. Я пришлю тебе ссылку на горячую линию службы психологической помощи».

Отправляю сообщение; оно остается непросмотренным. Дальше.

«Элли, как мило с твоей стороны! Конечно, я тебя помню, ты была на нашем мероприятии на прошлой неделе. Я купила эту кофту в «Бодене». Здорово, что она классно смотрится, даже надетая наизнанку».

Уж не знаю, как мне это удалось, но за отведенный час я успела ответить на все сообщения и принять душ. Слышно, как Дэн мнетса под дверью спальни, отсчитывая секунды. На часах без двух минут семь.

В дополнение к обычным утренним делам сегодня нужно подумать о том, что надеть на фотосессию. Мой муж описывает внешний вид ПростоМамы так: «Ведущая детской телепередачи, только без игрушечного барсука» – платья с ярким рисунком, футболки с забавными надписями, джинсовые комбинезоны. Процесс подбора гардероба несколько затруднен из-за лишних пяти килограммов, которые я набрала еще во время первой беременности, да так и не сброси-

ла: если вернусь в привычный восьмой размер¹ – выбьюсь из образа.

В результате выбираю зеленую складчатую юбку с рисунком в виде маленьких молний и желтую футболку с надписью: «Моя суперсила – быть мамой». Знаю, знаю, но что поделать? Столько брендов присылает мне взрослые и детские футболки с перекликающимися слоганами – нам с Коко приходится иногда их надевать...

Корни волос давно пора подкрасить, но перед фотосессией я не стала наводить марафет. К тому же, учитывая тему вчерашнего поста, безупречная прическа не пойдет подписчицам, так что придется щеголять темнеющим пробором и укладкой двухдневной давности. Провожу по волосам щеткой и отделяю один локон, чтобы тот заметно выбивался. Эта непокорная прядь всю прошлую неделю активно фигурировала в моих сторис («Уфф, мои волосы живут своей жизнью!»). Теперь у меня целая коллекция лосьонов и гелей для укладки, а также десять тысяч фунтов от компании «Пантин», чей новый продукт станет идеальным решением для непослушных волос.

Когда зарабатываешь столько денег на рекламе вещей, которыми реально пользуешься, приходится придумывать все более заковыристые способы, как их правильно подать.

Коко тихо сидит в своей комнате и увлеченно смотрит на

¹ Английский 8-й размер одежды соответствует российскому 42-му. – *Здесь и далее прим. пер.*

«Айпэде» что-то про цветочки, волшебные палочки и блестяшки. Достāju для нее футболку в пару к моей («У моей мамы есть суперсила!»).

– Наденешь сегодня эту футболку, Кокосик? Смотри, такая же, как у мамочки! – говорю я, заправляю светлую прядь ей за ухо и целую в сладко пахнущий лобик.

Коко снимает розовые наушники, откладывает «Айпэд» в сторону и забавно склоняет голову набок.

– Что здесь написано, мамочка?

– Хочешь сама прочитать, звездочка?

– «У мо-ей... ма-мы... есть...» – медленно читает она. – Дальше не могу.

– У тебя отлично получается! Здесь написано: «У моей мамы есть красивая корона». – Я улыбаюсь. – Знаешь, что это означает? Если мама – королева в короне, тогда ты...

– ПРИНЦЕССА! – взвизгивает Коко.

Вообще-то одержимость принцессами с точки зрения контента уже не в тренде. Современные мамы считают, что розовый – не круто. Сейчас модно растить маленьких бунтарок и начинающих феминисток, но моя дочь предпочитает играть в королев и принцесс, а поскольку мне не нужны вопли и истерики, я даю ей то, что она хочет. К счастью, Коко еще не очень хорошо читает.

– Поможешь мне с одним суперважным секретным заданием? – спрашиваю я, насыпая ей пригоршню черники, которую она тут же отправляет в рот.

– С каким заданием, мамочка?

– Нужно устроить *беспорядок*! – Я издаю воинственный вопль, подхватываю ее на руки и несу на первый этаж.

Под моим присмотром Коко строит башню из диванных подушек, а потом ломает. Мы разбрасываем на полу мягкие игрушки, детские книги и кусочки деревянной мозаики. Я смеюсь, глядя, с каким восторгом моя дочь громит гостиную, и едва успеваю заметить, что она собирается засунуть в камин ароматическую свечу «Диптик».

– Ладно, звездочка, давай-ка поставим это на место. Думаю, наша задача выполнена, – говорю я, возвращая свечу на полку. – А теперь найдем твою диадему, чтобы дополнить праздничный наряд!

Золотистая пластиковая диадема обнаруживается под кроватью. Опускаюсь на колени, беру Коко за руки, заглядываю ей в глаза.

– Сейчас придут люди, чтобы поговорить с мамой и сделать фотографии. Будь хорошей девочкой и улыбнись, когда тебя попросят. Можешь покружиться перед камерой, как принцесса.

Коко кивает. Звенит дверной звонок.

– Иду! – кричу я. Коко опрометью бежит вниз по лестнице.

Когда мой агент дала согласие на это интервью, я немного беспокоилась, что меня начнут расспрашивать об опасностях, связанных с «коммерциализацией личной жизни», –

излюбленная тема серьезных газет. К счастью, мы согласовали с редактором список запретных тем, поэтому штатный фотограф и внештатный журналист задают легкие приятные вопросы, на которые я уже сто раз отвечала. Наконец звучит последний, коронный вопрос:

– Как вы считаете, за что подписчицы вас так любят?

– Боже мой, думаете, меня и вправду любят?.. Наверное, потому что я такая же, как они. Я позволяю себе быть беспомощной и уязвимой – прошу их совета, жду откликов... Невозможно растить ребенка в полном одиночестве; молодой матери так или иначе нужны помощники или хотя бы собеседники. Мы – мамочки, проводящие очередной бессонный «день сурка» наедине с младенцем в заляпанной арахисовым маслом и обсыпанной сахарной пудрой квартире, стараемся держаться вместе...

На самом деле, знаете, почему меня любят? Потому что это моя работа, и я очень хорошо с ней справляюсь. Думаете, можно набрать миллион подписчиков просто так, без подготовки?

Чтобы научиться вести блог ПростоМамы, потребовалось немало времени. Когда я только начинала, мне казалось, что мой первый опыт с «Босоножкой» сразу выстрелит. Я думала, если подойти к делу с надлежащим рвением, то можно зарабатывать на блоге столько же, сколько мне платили в журнале. Как и многие, я восхищалась блогерами из мира большой моды, хотя умом понимала, что весь их контент – чистой

воды показуха. Я целыми вечерами сравнивала их безупречную жизнь в стиле «Прада» с моей, до поздней ночи разглядывала снимки, на которых красивые успешные люди переходят дорогу на Манхэттене и позируют на фоне крашенных в пастельные цвета домов в Ноттинг-Хилле. По крайней мере, у меня есть оправдание перед Дэном – я проводила исследование.

Мой нынешний агент, Айрин, представляла актрис, которых мы приглашали для съемок в журнале, потом переключилась на блогеров, от которых наш главный редактор – та еще снобка – старалась держаться подальше. Я изложила ей свою гениальную идею, а она без обиняков заявила, что этот поезд уже ушел. Любовь к обуви – не самая оригинальная тема; рынок переполнен. Конечно, рассказывая миру о босоножках, я освоюсь в сфере блогинга, выучу правила игры и, возможно, достигну некоторого успеха, но до уровня крупных блогеров мне не дотянуться. Айрин выразила готовность представлять мои интересы, однако отметила, что тема материнства и женского душевного здоровья – большой неразработанный рынок. «В любом случае, – сказала она, – заведи маленький обувной блог; потренируешься, разберешься, что к чему. К тому же это хорошая предыстория, чтобы основной продукт выглядел более органично. А потом, когда заработаешь нервный срыв или родишь ребенка, приходи ко мне, поговорим».

Четыре месяца спустя я заявила к ней в офис, размахива-

вая результатами УЗИ.

Родив дочку, я принялась постить фотографии, на которых улыбаюсь, лучась от материнской гордости (на лице – незаметный, но качественный макияж), гуляю по залитому солнцем парку и демонстрирую собственноручно выпеченные кексы, обсыпанные сахарной пудрой. Я рассказывала о том, как счастлива, какой у меня замечательный муж и чудесная дочка, которая совсем не плачет. Наивная! Мне казалось, у меня сразу появится туча подписчиков...

Впрочем, я быстро поняла: чтобы стать успешным блогером в Британии, требуется нечто другое. Оказывается, в разных странах у инстародителей свои фишки. Например, американские мамы носят исключительно кашемир, их мраморные столешницы натерты до блеска, дети щеголяют в клетчатых юбочках и дизайнерских джинсах, а на все фотографии наложен фильтр «гингем» для винтажного эффекта. Спортивные и свободные духом австралийские мамочки с загорелыми светловолосыми малышами позируют на фоне досок для серфинга. Шведские инстамамы в венках из полевых цветов нежно воркуют над младенцами в серых фетровых чепчиках, возлежащими на простынях из некрашеного льна.

Как видите, благодаря социальным сетям можно легко установить, что нравится людям в разных концах мира. Число подписчиков и их активность зависят от того, как выглядит твоя прическа, насколько веселой или трогательной получилась подпись к фотографии, достаточно ли милым вы-

шел твой ребенок на снимке, хорошо ли подобрано оформление блога. Соответственно, приходится подгонять и пропускать через фильтр губную помаду, гостиную, семейную жизнь.

Итак, какие результаты дал мой экскурс в инстаграм-антропологию? У нас в Британии не любят показуху. Нам нравятся естественная красота, глупые улыбки, яркие цвета, честные подписи и полный разброд в выборе снимков. Можно носить дорогие футболки со слоганом «Я – супергерой» и вещать о правах женщин, однако – и это знает каждая инстамама, чей доход от блога исчисляется в шестизначных цифрах, – стоит публично признаться, что ты способна самостоятельно сварить яйцо и не напортачить, сразу потеряешь тысячу подписчиков. Тебе нельзя выйти из дома без прилипшей макаронины или пятна детской рвоты на кофте. Ты обязана хотя бы раз в неделю опаздывать в ясли – разумеется, всего на пару минут, никому не нужен штраф за опоздание один фунт в минуту – и ежегодно пропускать Всемирный день книги.

Как выяснилось, чем естественнее я выгляжу, тем больше у меня подписчиков и лайков. Не хочу показаться самоуверенной – честное слово, и в мыслях не было. Простите, сестры, но когда дело касается соцсетей, женщины не в состоянии адекватно воспринимать чужой успех. Если сравнение – смертельный враг радости, то «Инстаграм» – убийца довольства жизнью.

Вот уж чего мне совсем не хотелось бы, так это заставлять женщину чувствовать, что она не дотягивает до какого-то недостижимого материнского стандарта, поэтому я придумала для своих подписчиц идеально неидеальную маму. Только став матерью, осознаешь, сколько народу готово тебя осудить; бездетным этого не понять – точно так же люди, чуждые азартных игр, не замечают букмекерские конторы, а чайлдфри в упор не видят детские площадки. Что бы ты ни сделала, обязательно найдется кто-нибудь – муж, свекровь, придирчивая патронажная сестра, недовольная официантка, – считающий своим долгом сообщить тебе, что ты все делаешь неправильно. Я так не поступаю. Моя фишка в том, что я тоже выживаю в этом кошмаре. Молодые мамы со всех сторон подвергаются нападкам, поэтому, когда они задают мне вопросы в «Инстаграме» или поднимают руки на моих выступлениях, я улыбаюсь, киваю и ни в коем случае не осуждаю их жизненный выбор, а наоборот, поддерживаю. Совместный сон? Дети спят с матерями еще со времен каменного века, так что наслаждайтесь объятиями!

Как ни странно, некоторые люди злятся на социальные сети – дескать, там пропагандируется ненастоящая, чересчур безупречная жизнь. С каким самодовольством они заявляют, будто в реальности блогеры живут вовсе не столь прекрасно... Тоже мне, бином Ньютона! На эту тему написаны книги, сострепано множество статей, сняты бездарные кинофильмы, основная идея которых заключается в том, что кра-

сивые картинки в интернете предназначены исключительно для продажи дорогой рекламы. Похоже, никому не приходило в голову, что можно делать наоборот.

* * *

В реальной жизни Эмми Джексон еще привлекательнее, чем в «Инстаграме». Мы навестили ее дома: Эмми живет в георгианском таунхаусе в перспективном районе на востоке Лондона. ПростоМама поспешно спускается по лестнице, рассыпаясь в извинениях: «Не обращайтесь внимания на прическу: с тех пор, как родился Медвежонок, нет времени подкрасить корни. Простите за беспорядок – нужно поскорее нанять уборщицу! Надеюсь, ваша камера умеет уменьшать размер одежды, а то я похожа на сдобную булочку!»

Эмми усаживается с ногами на диване с бархатной обивкой, и мы начинаем беседу. Ее дочь Коко, трехлетняя малышка с копной светлых кудряшек, с самого рождения знакомая поклонникам ПростоМамы, жизнерадостно возится рядом. Второго малыша, Медвежонка («Мы составили список черт характера, а потом подобрали подходящего зверя»), – Эмми держит на руках. Она поведала нам, что за полтора месяца с момента появления ее сына на свет его фотографии набрали более двух миллионов лайков. Под слоем игрушек, деталей от конструктора и мелков для рисования просматривается весьма элегантная обстановка. Муж Эмми

Дэн, красавец, интеллектурал и к тому же писатель, стоит у высокого книжного шкафа и рассеянно листает роман собственного сочинения, изредка посмеиваясь про себя.

Эмми, известная миллиону подписчиц как ПростоМама, первая британская инстамама, чей доход исчисляется в семизначных цифрах, берет кружку с фирменным логотипом и делает глоток. Нет ничего лучше чашки хорошего кофе, говорит она, хотя у нее, как и у большинства ее поклонниц, едва ли находится время насладиться бодрящим напитком. «Для молодой мамы выпить кофе горячим все равно что провести неделю в спа-отеле, – шутит Эмми. – Главное, что я поняла, делясь своей жизнью с миллионом других мамочек: все мы одинаковые. Наша задача – день простоять да ночь продержаться...

На этом месте я прерываюсь. Меня мутит.

Собравшись с силами, дочитываю до конца. Разумеется, в статье нет ничего нового: ни одной оригинальной мысли, ни одного свежего случая из жизни.

Я надеялась на разгром и разоблачение, а получилась очередная слащавая тупфта на пять страниц. На фотографиях мама, папа, сын и дочь сидят на дорогом диване в элегантной гостиной, из окна с видом на красивую улицу льется солнечный свет. Четыре человека, которым плевать на весь мир. Самая большая трагедия для них – если красные детские носки оказались в стиральной машине с папиными белыми рубашками. В их жизни не было потерь серьезнее,

чем ключи от дома.

Звание самой популярной инстаграм-семьи в Соединенном Королевстве – нелегкая ноша, однако, несмотря на трудности, Эмми и Дэн по-прежнему влюблены друг в друга, это сразу заметно. На книжной полке среди многочисленных детских снимков – свадебное фото. «Знаю, звучит вызывающе, – смеется Эмми, – но для меня все это было как вчера. Едва увидев Дэна, я сразу поняла: он – мой единственный. Я вышла замуж за самого веселого, доброго и умного мужчину на свете. Порой мы действуем друг другу на нервы, но я точно знаю, что остаток жизни намерена провести с Дэном, и только с ним», – говорит она, кладя руку на плечо мужа.

Тут я замечаю на самом крупном снимке нечто интересное. В большом зеркале, расположенном напротив окна, видны три буквы – верхушка «р», кусочек «д», пробел, верхняя половина заглавной «Н». Зеркало чуть наклонено, поэтому в нем сквозь жалюзи отражается улица, точнее, часть вывески паба: «...рд Н...».

Это все, что мне нужно.

Глава 3

Эмми

Странное это дело – быть интернет-знаменитостью. Когда кто-то пристально на меня смотрит или толкает приятеля в бок, указывая в моем направлении, я не сразу вспоминаю, что миллион человек знают меня в лицо. Машинально проверяю, не заправила ли ненароком юбку в трусы, и только потом мне приходит в голову, что эти люди смотрят на ПростоМаму, а не на мою голую задницу. Иногда они подходят поболтать – все лучше, чем молча пялиться. Не то чтобы я жалуясь – если выставляешь себя на всеобщее обозрение, надо быть готовой к любопытным взглядам.

Сегодня по пути от дома до офиса моего агента такое случилось трижды. Парень, севший на той же станции, не сводил с меня глаз. Нет бы помочь спустить коляску по лестнице! Возможно, обычный извращенец, но, судя по его взгляду, он уже видел меня в нижнем белье. Того, кто придумал хэштег #бодипозитивнаямама, надо стукнуть чем-нибудь тяжелым. В последнее время ленты соцсетей забиты дебелыми телесами; инстамамочки постят фотки голых животов, во всеуслышание признаются в любви к своим складкам и рас-

тяжкам, поскольку «вырастили там нового человека», и никто не смеет сказать, что вообще-то им не мешало бы скинуть пару килограммов.

Потом я встретила Алли, начинающую инстамамочку из Девона. Она увидела меня издалека и сломя голову ринулась ко мне, чтобы сфотографироваться со мной на фоне знака «Оксфорд-серкус» (вот что значит носить одежду брендов, которые рекламируешь, – тебя очень легко заметить). Алли заставила своего ошарашенного мужа нас фотографировать и взяла на себя руководство процессом, выкрикивая команды и проверяя каждый снимок («Выше! Пусть будет видно дорожный знак! Мои туфли не попали в кадр!»).

– Это первые выходные после рождения Адриана, которые мы с Крисом проводим наедине. Сыну уже два года. Какое счастье, что мы вас встретили! Вы – мой кумир! Благодаря вам я поверила, что могу остаться собой, несмотря на появление ребенка, – тараторит Алли, просматривая фотографии. – По вашему примеру я завела блог после увольнения, на шестом месяце беременности. Решила – стану мамой, которая занимается собственным бизнесом, на своих условиях. Сильной женщине с ребенком есть о чем заявить миру. Блог ПростоМамы – моя Библия! – Она стискивает руки на груди. Медвежонок вот-вот расплатится. Алли, кажется, тоже.

– Алли, это потрясающе, спасибо тебе большое, но я точно не святая. Прости, мне пора – нужно покормить Медвежонка, а я не готова выставять грудь напоказ в метро. От-

меть меня в своем посте, и я подпишусь на твой блог. – На этом я откланиваюсь.

В третий раз меня останавливают у турникета. Женщина по имени Кэролайн желает поделиться подробностями борьбы с послеродовой депрессией. По ее словам, я стала для нее источником вдохновения. Знание, что на свете есть кто-то, проходивший через то же самое, помогало ей не сойти с ума от безнадеги и одиночества. Она показывает мне многоразовый стакан #серыебудни и чехол для телефона #простомама.

– Помни, Кэролайн: ты хорошая мать. Для твоего малыша ты самая лучшая на свете. – Крепко обнимаю ее.

Выхожу из метро, волоча тяжелую коляску, и лишь за три ступеньки до конца лестницы мне предлагают помощь. «Спасибо, все в порядке», – с улыбкой отвечаю я. Страшно подумать, что придется взгромоздить коляску и ребенка в офис Айрин, на пятый этаж. Вообще-то у главного агента Британии, представляющего знаменитых онлайн-мамочек, офис мог бы находиться и пониже. Впрочем, Айрин никогда не интересовалась детьми. Не исключено, что она нарочно выбрала помещение на последнем этаже, к которому ведет невероятно крутая и узкая лестница, чтобы отучить клиентов от дурной привычки приводить с собой отпрысков.

Ставлю коляску на землю, достаю из кармана санитайзер для рук и телефон. Семь пропущенных звонков, все от Дэна. «О господи, – думаю я, представляя, как мой муж раздраженно открывает и закрывает ящики буфета в поисках соуса

песто, а в это время Коко хнычет, требуя еды. – Что опять стряслось? Дуршлаг найти не можешь?»

Через мгновение мелькает мысль: а вдруг на самом деле что-то серьезное?

Дэн не берет трубку. Меня охватывает паника.

Слушаю гудки, убеждая себя, что все в порядке и глупо так волноваться.

Гудки все еще идут. Возможно, говорю я себе, у телефона случайно нажалась кнопка вызова, поэтому Дэн и не отвечает. Наверняка они с Коко на детской площадке, прекрасно проводят время.

Гудки все еще идут.

Гудки все еще идут.

* * *

Название паба. Три буквы: «р», «д» и заглавная «Н». К счастью, мне всегда хорошо давались кроссворды. Грейс тоже любила их разгадывать. С кроссвордами обычно так: даже если занимаешься чем-нибудь другим, все равно бессознательно думаешь над трудным словом. Мозг работает сам по себе, проводит связи, которые ты в процессе размышления пропустил или не счел важными. А когда через несколько часов берешь в руки газету и карандаш – ответ тут как тут, только и ждет, чтобы его записали.

Я решительно взялась за дело. Буквы «рд» в названии па-

ба – скорее всего, часть слова «лорд». Лорд Н... Возможно, «Лорд Нельсон».

Во рту пересохло. Сердце вот-вот выскочит из груди.

Прочитав все посты и интервью ПростоМамы и прослушав ее подкасты, я по крупицам собрала драгоценную информацию об Эмми и ее семье. Например, мне известно, что они живут в восточной части города, в десяти минутах от торгового центра «Уэстфилд». Рядом находится большой парк, где Эмми гуляет с коляской. Когда она работала в журнале, то ездила в офис на велосипеде вдоль канала. Неподдалеку есть станция метро, супермаркет «Теско» и две начальные школы (как выражается Эмми, хорошая и еще одна). Они точно не живут в районах, которые Эмми считает слишком дорогими. Как минимум два раза она упоминала, что хотела бы поселиться ближе к супермаркету «Уэйтроуз». За углом есть автозаправка, где она иногда покупает подгузники, журналы или шоколадку.

Негусто, конечно, но сегодняшняя находка – уже кое-что.

Если верить «Гуглу», в Лондоне восемь пабов под названием «Лорд Нельсон». Три на западе, один на юге, еще один на самой окраине, практически в Мидлсексе.

Остаются три. Вбив индекс первого в «Стритвью», я сперва решила, что попала в точку. Район выглядел весьма похожим на описание Эмми: за углом – станция метро, в шаговой доступности – автозаправка и «Теско». Однако сам дом оказался неподходящим. Эмми Джэксон не может

жить в таунхаусе с посеребрившими тюлевыми занавесками и дверью, крашенной красной глянцевой краской. Соседние здания не лучшие: у одного на окне плакаты с рекламой приюта для животных, у второго палисадник зарос сорняками, а на подъездной дорожке стоит развалюха с кирпичами вместо колес.

Второй «Лорд Нельсон» расположен на крыше клубного дома.

Витрина третьего закрыта металлическими рольставнями. Похоже, этот паб уже некоторое время не работает.

Расследование зашло в тупик. Я даже достала журнал из стопки макулатуры, чтобы проверить – вдруг я упустила нечто важное. Нет, никакой ошибки: действительно паб, действительно напротив дома, и буквы те же. Ответ не сходится. А вдруг все, что ПростоМама говорила и писала о своем районе, – просто искусная выдумка, чтобы сбить со следа? Может, они живут совершенно в другой части Лондона?

Однако ни один из оставшихся пяти «Лордов Нельсонов» тоже не подошел. Один – напротив парка, второй – у автострады. Обстановка вокруг совершенно не совпадала с той, что была видна из окна дома Эмми на фотографии.

Я в изнеможении выключила компьютер и отправилась на кухню, чтобы заварить чаю. Уже почти десять. Вечер, суливший большую удачу, принес только разочарование. Я вернулась в гостиную и включила новости. Через пять ми-

нут выключила телевизор и легла спать. Погасила ночник, завела будильник и принялась думать о домашних делах. И тут меня осенило.

Лорд Нейпир.

Паб напротив вокзала в моем родном городе назывался «Лорд Нейпир».

Я включила свет и села за компьютер. Пока тот загружался, я нетерпеливо барабанила пальцами по столу.

В Лондоне есть три паба с названием «Лорд Нейпир», один из них в Восточном Лондоне. Я нашла его на «Гугл»-карте.

Станция метро – в пяти минутах ходьбы. За углом – автозаправка. Рядом супермаркет «Теско». Неподалеку проходит канал.

Я проверила, за сколько времени можно добраться от паба (или дома напротив) до «Уэстфилда». Ответ: ровно десять минут по Центральной линии.

Я ввела индекс на «Стритвью». Открыла газетную статью. Перевела взгляд с экрана на фотографию, с фотографии на экран. Все сходится. Я прокрутила бегунок, пока не увидела дом напротив. Новые занавески, свежевыкрашенная темно-серая дверь, жалюзи.

Привет, Эмми.

Дэн

Возьми трубку. Возьми трубку. Возьми, твою мать, трубку!

Связь определенно есть. Длинные гудки стихают, включается автоответчик. Эмми должна уже выйти из метро. Почему тогда автоответчик?

О господи...

Наверное, каждый родитель хоть раз в жизни через такое проходил. Внутри все сжалось, кожу покалывает, в горле пересохло, в висках стучит, дыхание сперло; ты лихорадочно оглядываешь толпу, шаришь взглядом на уровне пояса, на уровне детского роста, потому что твой ребенок, еще пару секунд назад крепко державший тебя за руку, вдруг исчез. Ты говоришь себе: ничего страшного, просто отстала поглазеть на витрину с игрушками, ее внимание привлекло что-то интересное (афиша, киоск со сладостями, блестящее стеклышко), вот она и остановилась посмотреть. Однако воображение рисует наихудшие варианты развития событий.

Мы с Коко в «Уэстфилде», торговом центре неподалеку от бывшего Олимпийского парка, посетили два обувных магазина и зашли в третий. Мне наконец-то удалось найти пару вполне приличных туфелек, которые подходят по размеру и более-менее по вкусу Коко. Я на минуту выпустил ее руку, чтобы расплатиться и взять пакет с покупкой, повернул-

ся спросить, что она хочет на обед, – и моей дочери рядом не оказалось.

Я не сразу начинаю беспокоиться. Наверное, Коко за одним из стендов. Возможно, решила еще раз взглянуть на блестящие кроссовки с подсветкой в подошве, которые ей так понравились...

Магазин небольшой, в четверг утром покупателей немного. Через пару минут я убеждаюсь, что Коко здесь нет. За это короткое время чувство вины сменилось тревогой и переросло в настоящую панику. В магазине по меньшей мере две продавщицы, не занятых обслуживанием. Не понимаю, почему они стоят без дела.

– Со мной была маленькая девочка. – Показываю ладонью рост Коко. – Вы не видели, куда она ушла?

Обе качают головой. Я выбегаю из магазина. Одна из продавщиц кричит, что я забыл пакет. Мне все равно.

Моей дочери нет и снаружи.

Мы на третьем этаже, рядом с магазином «Джон Льюис». Подбегаю к эскалаторам. От одной мысли о том, что Коко решила воспользоваться ими самостоятельно, мне нехорошо. Ее наверняка кто-нибудь остановит, успокаиваю я себя.

На ближайшем эскалаторе никого нет.

Тогда я в первый раз звоню Эмми: хочу узнать, есть ли у Коко в «Уэстфилде» какое-то любимое заведение. Терпеть не могу торговые центры и шопинг. Девочки обычно ходят сюда сами, а я в это время катаю Медвежонка в коляске по

парку. Напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить, что Эмми или Коко рассказывали о своих походах за покупками. Может, упоминали магазин, в который часто заглядывают? Или детскую площадку? Должно же у нее быть здесь любимое место!.. Ничего не приходит в голову. У Эмми включается автоответчик.

Несомненно, вид у меня сейчас неадекватный. Прохожие косятся с опаской.

– Вы не видели маленькую девочку? – спрашиваю я, опять показывая ее рост.

Люди качают головами, разводят руками. Стоит мне заметить ребенка, сердце чуть не выпрыгивает из груди, но тут же болезненно сжимается: не та одежда, не тот возраст, не тот пол.

Каждое неверное решение будет стоить драгоценного времени. Бежать вперед или заглянуть за угол? В то же самое мгновение Коко может исчезнуть за другим углом, уйти в противоположном направлении... Каждая секунда, проведенная в сомнениях, отдаляет меня от дочери. Вдруг она уже на нижнем этаже? А может, села в лифт? Должно быть, решила найти игровую комнату. Вроде здесь есть детские бабуты, типа надувного замка. В этом корпусе или в другом?..

Снова пытаюсь дозвониться до Эмми.

Окружающие занимаются повседневными делами. Их безмятежная неторопливость приводит меня в бешенство. Принимаю решение проверить лифты. Протискиваюсь мимо

влюбленной парочки, перепрыгиваю через чью-то тележку на колесах. Замечаю в витрине свое отражение: бледный, с безумным взором, на грани нервного срыва.

Не могу понять, почему Коко никто не остановил? Если вы увидите в торговом центре трехлетнего ребенка без родителей, неужели не поинтересуетесь, куда он идет и не нужна ли помощь? Ее должны были заметить! Обязательно найдется сознательный человек, которому придет в голову остановить маленькую девочку и спросить, где ее мама и папа, – наверняка думали бы вы, оказавшись на моем месте. Вы бы на это рассчитывали, надеялись.

И жестоко ошиблись бы.

Обгоняю человека, уткнувшегося в смартфон, и едва не сбиваю с ног второго такого же, идущего навстречу.

У лифтов Коко нет. Один на первом этаже, другой поднимается вверх, ко мне. Подбегаю к балюстраде, окидываю взглядом торговый центр. Моей дочери нигде не видно. К тому времени я глубоко убежден: случилось нечто ужасное – подобные жуткие истории мы с содроганием смотрим в новостях.

Наконец я замечаю ее, мою Коко. Она стоит на первом этаже у витрины книжного магазина.

– Коко! – зову я. Не слышит. – Коко!

Перепрыгивая через три или четыре ступеньки, сбегая вниз по эскалатору, грубо расталкиваю влюбленных подростков.

– Коко! – кричу я, перегнувшись через перила балюстрады на втором этаже. Она поднимает голову, пытаясь понять, откуда голос. Я снова зову ее. Наконец она замечает меня, рассеянно улыбается, машет рукой и поворачивается к экрану в витрине, на котором идет реклама новой серии книг про ведьм и волшебников.

Слава богу. Слава богу. Слава богу.

Мою дочь заметил не только я. Рядом с ней кто-то еще, явно взрослый. Слава богу, нашелся хоть один разумный и ответственный человек, который не смог пройти мимо трехлетнего ребенка, оказавшегося без родителей. Они стоят бок о бок – видимо, смотрят рекламу.

На меня накатывает волна облегчения.

С такого расстояния и под таким углом мне не удастся разглядеть, кто рядом с Коко – я вижу их со спины, – но, судя по лилово-розовой куртке с капюшоном, это пожилая женщина, возможно, чья-то бабушка. Я уже готовлюсь рассыпаться в извинениях и благодарностях.

Их загораживает колонна.

Проходит пара секунд.

Коко стоит рядом с книжным одна.

Мой мозг отказывается воспринимать полученную информацию.

На последнем эскалаторе не свожу с дочери глаз. Мне кажется, если отведу взгляд хоть на секунду, она исчезнет. К счастью, на эскалаторе никого нет. Опрометью сбегая по

ступенькам, держась за резиновые перила, чтобы не упасть.

Последние три ступеньки преодолеваю одним прыжком.

Крякнув, приземляюсь на кафельный пол.

От эскалатора до книжного магазина метров шесть. Три больших шага.

– Ой, папочка, – говорит Коко.

Я прижимаю ее к себе слишком сильно, но ничего не могу с собой поделать. Поднимаю на руки и кружу.

– Папочка, – повторяет она.

Ставлю ее на пол. Она поправляет платье.

Мое сердце по-прежнему едва не выпрыгивает из груди.

– Коко, разве мы с мамой не говорили тебе, что нельзя уходить без спроса?

Главное – вести себя спокойно, но твердо. Строго, но не агрессивно.

Вот она, извечная проблема: хочется накричать на ребенка за то, что он так тебя напугал, и в то же время задушить его в объятиях.

Присаживаюсь на корточки и заглядываю Коко в глаза. В книгах написано, что перед серьезным разговором с маленьким ребенком нужно установить зрительный контакт.

– Ты меня слышишь? Никогда больше так не делай, моя радость. Поняла?

Коко рассеянно кивает. Ее внимание по-прежнему приковано к экрану.

Главное – с ней все в порядке. Моя дочь цела и невредима.

А то, что я увидел на эскалаторе...

Снаружи идет дождь, поэтому в торговом центре много посетителей в куртках. Есть молодые, есть пожилые. Некоторые еще не успели снять капюшоны. Я оглядываюсь, но никто не обращает на нас внимания. Знакомой розовой куртки нигде не видно. Вокруг только черные, голубые, зеленые и желтые.

Возможно, я ошибся и рядом с Коко никого не было. Может, задержался случайный прохожий, а может – чем черт не шутит – просто игра света, помутнение рассудка, отражение отражения...

Справедливости ради надо сказать, что тогда, на эскалаторе, я особенно не вглядывался.

Снова крепко обнимаю Коко. В какой-то момент она теряет терпение и начинает ерзать в моих объятиях. Не сразу, но все-таки я отпускаю ее.

И только тогда замечаю: моя дочь держит в руке нечто странное.

Глава 4

Удивительно, сколько всего можно узнать о человеке по его адресу.

Чандос-роуд, 14.

Пробив адрес по «Зупла»², можно выяснить стоимость дома, посмотреть фотографии, а если повезет, даже полистать поэтажные планы. В последний раз дом номер 14 по Чандос-роуд выставлялся на продажу в конце двухтысячных и ушел за пятьсот пятьдесят тысяч фунтов. Эмми подробно описывала в блоге, сколько усилий стоил ремонт. Они подновили оранжерею, пристроили к дому террасу, снесли стену в гостиной, избавились от дешевого искусственного камина, коврика в ванной и бирюзовой плитки в прихожей, а в маленькой комнате на втором этаже сделали детскую. Соответственно, большая комната – спальня с отдельным санузлом. Как просто. Все эти сведения находятся в публичном доступе. Два-три клика – и вот,водя пальцем по экрану, ты невидимкой бродишь по их дому, этаким цифровой призрак. Эмми мечтает о садике побольше. Теперь я понимаю, почему. Удивительно, как им удалось выкроить место, чтобы построить сарайчик для Дэна.

По почтовому индексу легко вычислить кафе, куда Эмми

² «Зупла» – британская онлайн-база объявлений о покупке, продаже, аренде недвижимости.

заходит с детьми после утренней прогулки и где ее муж иногда пишет свой роман за чашкой кофе. Открываешь «Стриптыю» – и видишь, как удобнее всего добраться до метро или парка. Можно вычислить, какой детский сад посещает их дочь, и проложить до него кратчайший маршрут. Сразу ясно, где находятся игровая площадка и киоск со сладостями, который так любит Коко.

Очень странное ощущение. Просто голова кругом...

Иногда мне представляется, будто я смотрю в пруд с золотыми рыбками, у нас был такой в школе. Бывало, наблюдаешь, как они безмятежно занимаются своими делами, а в глубине души сознаешь, что в твоей власти кинуть камень или ткнуть палкой – просто так, чтобы поглядеть, как рыбки в страхе мечутся туда-сюда. Или можно поймать одну и вытащить из воды; тогда остальные попрячутся в водоросли, помахивая хвостиками, – только их и видели...

Порой тебе кажется, что ты не способна сотворить подобное с живым существом. Нет-нет, это не про тебя.

А порой ты уже не так в этом уверена.

Много лет назад, в школе, я была хорошей девочкой, вежливой и доброй. Все так говорили.

В последнее время я ловлю себя на размышлениях о том, чего мне на самом деле хочется, и это меня пугает. Боюсь, я превращаюсь в чудовище.

Дэн

«Какая гадость!» – вот моя первая мысль. Без преувеличения, это самая уродливая мягкая игрушка, какую я видел. Вместо глаз – растрескавшиеся пуговицы. Замусоленные уши почернели от грязи. Одна бретелька комбинезона порвана. Рот похож на неровно зашитый разрез. Так и хочется выхватить игрушку у Коко из рук, швырнуть в мусорную корзину, а потом протереть нас обоих санитайзером.

Но тут меня посещает вторая мысль – когда моя дочь уходила из обувного магазина, этой штуки у нее не было.

Мы с Эмми договорились, что не будем ругаться при детях. Обычно – хочу особо это подчеркнуть – прокалывается как раз Эмми. Именно она произносит слово на букву «б», когда из открытого буфета выпадает пачка муки и ее содержимое рассыпается по всей кухне. Именно она сквозь зубы (но вполне отчетливо) обзывает «долбое...» тех, кто влезает перед нами в очереди в аэропорту. Именно ей приходится увиливать от объяснений, что такое «пое...нь», якобы обнаруженная ею на кухонном столе. Однако сейчас мои нервы натянуты до предела, поэтому я не сдержался.

– Господи, Коко, где ты взяла эту хрень?

Всякий раз, когда рывкаешь на ребенка, наступает ужасное мгновение тишины: глаза Коко расширяются, наполняются слезами, она замыкается в себе. Дочь запоздало прячет

игрушку за спину.

– Нигде.

– Покажи.

Она подчиняется, неожиданно медленно и неохотно.

– Спасибо, – говорю я.

Встаю на колени, подвергаю игрушку тщательному осмотру. Это собака, медведь или обезьяна? Непонятно. Если у этой твари и был хвост, она давно его лишилась.

– Это чье, Коко? – спрашиваю уже спокойнее.

– Мое.

– Нет, солнышко, точно не твое. – Брезгливо держу игрушку двумя пальцами. – Где ты ее взяла? Постарайся вспомнить.

Коко отводит взгляд.

– Может, нашла?

Она невнятно дергает плечом.

– Если вспомнишь, где нашла эту зверюшку, – говорю я, – мы пойдем и вернем ее на место. Ее потеряли – возможно, выронили из коляски... Представляешь, как расстроится хозяин, мальчик или девочка, когда придет домой и обнаружит пропажу!

– Это мое, – повторяет Коко.

– В каком смысле «твое»?

Она не отвечает.

– Если не скажешь, где взяла игрушку, – заявляю я самым твердым и решительным отцовским тоном, – я выкину ее в

мусор.

Коко надувает губы и качает головой.

– Я не шучу, – предупреждаю я.

Никакой реакции.

– Последний шанс.

Она пожимает плечами.

Игрушка отправляется в урну.

Зря я так. Настоящий педагогический провал. Пока мы идем по торговому центру, Коко норовит выдернуть руку из моей и вернуться назад. В метро оседает на ступенях эскалатора. Приходится держать ее на руках до нашей станции. Когда Эмми наконец перезванивает, мы в двух шагах от дома. Моя жена интересуется, не Коко ли это рыдает на заднем плане. Сообщаю, что гастроли любительского драматического театра продолжаются уже десять минут. Ее первый вопрос – что я сделал с ребенком.

– Ничего, – отвечаю я.

– Все в порядке? – спрашивает Эмми. – У меня миллион пропущенных звонков от тебя. Я отменила встречу, взяла «Убер» и еду домой. Что случилось?

Я не готов обсуждать по телефону, что на восемь с половиной минут потерял нашу трехлетнюю дочь в торговом центре.

По дороге домой мысленно повторяю разговор с Коко. Возможно, поведи я себя по-другому, добился бы лучшего результата. Пытаюсь восстановить в памяти увиденное на эс-

калаторе, вспомнить цвета куртки с капюшоном, благодаря которым я решил, что за моей дочерью присматривает именно женщина. Кажется, сама куртка розовая, а вставки на спине – лиловые. Или наоборот? Если я даже в этом не уверен, тогда как вообще можно быть в чем-то уверенным?

Наш мозг сам состыковывает факты и заполняет пробелы, такова природа памяти, поэтому картинка у меня в голове – не обязательно точное отражение действительности.

Каждый раз, когда я спрашиваю Коко, куда и почему она ушла, моя дочь отвечает: «В книжный магазин».

Могу представить, как мы с Эмми будем вспоминать этот случай лет через двадцать, когда Коко станет писателем, ученым или литературным агентом; со временем острые грани сгладятся, и никто не будет задавать каверзных вопросов насчет моих родительских способностей. Могу даже представить, как мы будем копировать маленькую Коко, произнося слово «книзный». В глубине души я рад, что ее привлек именно книжный магазин, а не «Макдоналдс».

Однако сейчас мои мысли заняты только мягкой игрушкой.

Вернувшись домой, сразу же веду Коко на кухню и готовлю ей бобы с жареным хлебом. Она угрюмо съедает обед, а когда я предлагаю положить в пудинг йогурт, решительно мотает головой.

– Может, хочешь искупаться? – спрашиваю я.

Никакого ответа.

– Не переживай, купим тебе другого... медведя, в сто раз лучше. Пойдем в книжный магазин и купим.

Коко отворачивается, делает вид, будто смотрит в сад. Пошел дождик, в сгущающихся сумерках поблескивают мокрые листья. Она надувает губы, словно собирается заплакать.

– Видишь ли, солнышко, нельзя поднимать с земли чужие вещи. Ты же не знаешь, где они были.

– Это мое, – снова говорит она.

Я вымученно улыбаюсь.

– Коко, эта игрушка не твоя. Я ее тебе не покупал, мама тоже. Отсюда вопрос: где ты ее взяла?

Еще до того, как с ее губ слетает ответ, мне уже ясно, что она скажет.

Подставляю стул и сажусь так, чтобы видеть ее лицо.

– Коко, – говорю я. – У меня к тебе серьезный вопрос. Посмотри мне в глаза, пожалуйста. Спасибо. Хочу спросить про игрушку. Может, кто-то тебе ее дал или подарил? Вспомни.

Моя дочь уверенно качает головой.

– Нет?

Она еще сильнее качает головой.

– Ты хочешь сказать: «нет, не помню» или «нет, никто не давал»?

– Нет, – повторяет Коко.

Выпрямляюсь, расправляю плечи, массирую шею. Пора применить другую тактику.

– Коко, помнишь, мы с тобой беседовали про правду и

вымысел?

Она нерешительно кивает, не глядя мне в глаза.

– Помнишь, мы обсуждали, что нужно всегда говорить правду? Это очень важно.

Коко по-прежнему не смотрит в глаза, но все же кивает.

– Так вот, я еще раз спрашиваю: где ты взяла игрушку?

– Нашла, – говорит она.

– Нашла?

– Нашла.

Слава богу, думаю я. Прямо гора с плеч.

Интересуюсь, где она нашла игрушку. В магазине? Коко задумывается, потом подтверждает: в магазине.

– В каком?

Она не может объяснить.

Делаю глубокий вдох, считаю до двадцати и объявляю, что пора набирать ванну.

Похоже, серьезный разговор о необходимости всегда говорить правду не отложился у моей дочери так глубоко, как хотелось бы.

Недавно нам с Эмми позвонили из детского сада и предложили обсудить причуды Коко. Под «причудами» имелись в виду ее новообретенные привычки: шарить по рюкзачкам, таскать чужие вещи, а потом говорить, что дети ей их подарили. Переворачивать все вверх дном и сваливать на других. Хвастаться, какие мы знаменитые, рассказывать, куда мы ездили в отпуск (например, на Луну). Воспитательница хотела

узнать, не повторяет ли Коко свои «причуды» за пределами детского сада, может ли ее что-то расстраивать или беспокоить дома, и вообще, что мы думаем по этому поводу. «У нее просто богатое воображение, – вступилась Эмми за нашу дочь. – Я в ее возрасте была точно такая же».

Кто бы сомневался...

Мы поставили стулья в круг и провели с Коко серьезнейшую беседу. Нельзя сочинять небылицы и преувеличивать. Не стоит пытаться произвести впечатление, притворяясь кем-то другим. Не следует обманом заставлять детей отдавать свои вещи. Воспитательница с энтузиазмом кивала.

Вы не подумайте, что мы с Эмми не оценили иронию ситуации. Я всегда говорил и не устану повторять: Коко делала все это не со зла. Моя дочь – безобиднейшее создание. Не сомневаюсь, она прекрасно отличает правду от вымысла, просто ей нравится развлекать, веселить людей. Хочу подчеркнуть – она поразительно умная девочка, гораздо умнее остальных детей в группе, а если уж совсем откровенно, даже умнее воспитательниц. Большая часть того, что они называют «причудами», – явно шутки, розыгрыши. Например, Коко спрятала свои туфли и перемешала обувь остальных детей или за обедом тайком поменялась тарелками с сидящей рядом девочкой.

Тем же вечером, уложив Коко спать, мы с женой от души посмеялись над ее выходками, однако Эмми явно разозлилась. «Эта воспиталка – предвзятая дура, – вдруг фыркнула

она минут через двадцать после того, как мы сменили тему. — Ты же понимаешь, почему она все это устроила?»

Я произнес какую-то умиротворяющую банальность.

— Думаешь, она стала бы разговаривать с нами — точнее, со мной — в таком тоне, будь я юристом или рекламным агентом, если бы я официально работала? В группе Коко у одного ребенка двойной пирсинг, второй гадит в штаны, третий ест только сосиски, у четвертого вши — а показательную порку устраивают мне!

— Ты совершенно права, — сказал я. — У детей бывают причуды, все через это проходят.

Нам следовало бы беспокоиться, подчеркнул я, если б наша дочь действительно умела лгать. Чтобы врать как следует, нужно помнить все свои выдумки, держать в памяти какое-то отступление от правды. Эмми в этом настоящий профи, а Коко — нет. Не моргнув глазом, она сама себе противоречит: заявляет сначала одно, потом другое, потом третье, или утверждает, что ни при чем, хотя я все видел. Не удивлюсь, если она станет отрицать свою причастность, даже делая что-то недозволенное прямо у меня на глазах. В общем, моя дочь — во всех смыслах плохая лгунья.

Честно говоря, при обычных обстоятельствах я нахожу эту ее склонность забавной. Например, когда она рассказала подружкам, будто у нас дома есть потайная комната, битком набитая сладостями, или про отпуск на Луне. В большинстве случаев вранье настолько неправдоподобно, что остается

ся лишь посмеяться.

Однако нынешние обстоятельства далеки от нормальных. Облегчение от того, что моя дочь цела и невредима, поблекло, а напряжение из-за невозможности выяснить, что именно произошло в те восемь с половиной минут, возросло. Я по-прежнему не понимаю, почему Коко ушла из обувного магазина и как оказалась на первом этаже торгового центра. Мне до сих пор не ясно, где она взяла игрушку. Пока я купаю ее и чищу ей зубы, продолжаю задавать вопросы. Ответы расплывчаты, неправдоподобны или противоречивы.

Когда Эмми с Медвежонком приходят домой, я все еще пытаюсь докопаться до сути, восстановить цепь событий.

«Почему ты от меня ушла?» – спрашиваю у Коко. Она не знает. «Почему отправилась в книжный магазин?» Не может ответить. «Пытался ли кто-то тебя остановить?» Зевает и говорит, что не помнит.

Мы зашли в тупик. Моей дочери давно пора спать. Эмми в коридоре поспешно снимает туфли и вешает пальто на крючок.

Не следовало выпускать Коко из виду. Ни на секунду.

Сказать по правде, я всегда испытывал параноидальное беспокойство по этому поводу. Через три месяца после того, как нам с Эмми стало известно о беременности, мы пошли в кино. Фильм был о маньяке, похитившем ребенка. Я не выдержал – встал и вышел, спотыкаясь о ноги зрителей. Речь шла не о фильме ужасов, а о триллере с рейтингом 12+.

У меня перехватило дыхание, участилось сердцебиение. Реально, чуть в обморок не упал. Но вот что я понял – в мире действительно полно таких людей: извращенцев, маньяков, педофилов. Тревога поселилась во мне еще до того, как мы начали выставлять нашу семейную жизнь в интернете, перед людьми, которые считают себя вправе подсчитывать, сколько денег мы зарабатываем на этом шоу, знают нас и наших детей в лицо, в курсе нашей жизни.

Как объяснить ребенку, что не надо разговаривать с незнакомыми людьми, если мамочка приветствует каждую фанатку, словно лучшую подругу?

Наверное, у каждой супружеской пары имеются запретные темы. Они не лежат на поверхности, поэтому большую часть времени их удастся избегать. Темы, вокруг которых было столько ожесточенных споров, что каждый раз воспоминания о прежних разногласиях возвращаются, и ссора вспыхивает с новой силой.

Например, когда я замечаю, как кто-то тайком фотографирует Коко в парке или пялится на нее в бассейне, мне заранее ясно, что разговор, который я заведу с Эмми (точнее, разговор, который у нас состоится, после того как я объясню, что случилось, и принесу извинения), вернется на тот же самый круг, что и всегда. Может, мы совершили ошибку? Как нам обеспечить свою безопасность? Возможно, выставив нашу жизнь и жизнь наших детей на всеобщее обозрение, мы сделали большую глупость? А вдруг мы подвер-

гаем Коко и Медвежонка риску? Вдруг это плохо повлияет на становление их личности? Как они будут воспринимать окружающий мир? Кто знает, возможно, вся эта история испортит им жизнь? Может, мы плохие родители?

Мы вновь и вновь переливаем из пустого в порожнее: один из нас винит себя, второй пытается его успокоить и оправдать наши действия. Каждый ищет изъяны в аргументах другого, мы боремся с собой и друг с другом, придираемся к словам и интонациям; с каждой секундой обстановка накаляется, угрожая взрывом. Однако итог всегда один и тот же – в очередной раз приходится признать ужасную правду, главный сдерживающий фактор всех наших споров, сомнений и угрызений совести: если мы сейчас все бросим, нам будет не расплатиться.

Эмми

Нельзя сказать, что меня не предупреждали.

Прежде, чем подписать договор и взвалить на себя тяжкий крест блогера, я имела долгий разговор с Айрин. Она бегло пролистала мой личный аккаунт в «Инстаграме» (ЭммиДжексон, 232 подписчика, все из которых – знакомые из реальной жизни) и на его примере объяснила, почему мои неумелые снимки (еда, цветы, домашняя выпечка, нефотогеничные друзья, дурацкие селфи с втянутыми щеками) совершенно никуда не годятся. Чтобы превратить блог в карье-

ру, нужны выверенные хэштеги, четкий контент-план, друзья-блогеры, которых я смогу отмечать в постах и которые будут отмечать меня, плюс фотографии, снятые за неделю до публикации и отредактированные до полного совершенства (или, как впоследствии выяснилось, несовершенства).

Айрин много раз повторяла: вести блог ПростоМамы – то же самое, что редактировать маленький журнал, где каждый пост – новый разворот. Тогда мне так и казалось. Подписчики ставили лайки и смайлики, никто не писал в директ, а если изредка я и получала сообщение, это меня не беспокоило. «Твиттер» предназначен для колкостей и шуточек, а «Инстаграм» – для милых фотографий и дружелюбных комментов.

Постепенно комментарии перестали содержать исключительно восторги и смайлики. Появились сообщения в директ – в основном от счастливых мамочек, начиненных окситоцином, причем, как правило, в четыре часа утра. А вскоре на мою голову обрушился целый поток писем: незнакомые люди ожидали немедленного ответа – одни клеймили меня за то, что я продаю свою семью в интернете, другие восхищались моей губной помадой. К нам проявила интерес желтая пресса. Сайты сплетен и таблоиды принялись смаковать каждый наш неверный шаг, каждый промах, будто мы настоящие знаменитости.

Когда-то нас с Дэном часто звали в гости (девушка из мира моды и многообещающий писатель – весьма востребованная пара); нам даже приходилось отказываться от приглаше-

ний. Мы приезжали с таким видом, будто только что занимались сексом (как правило, так оно и было), приносили пару бутылок хорошего вина, рассказывали анекдоты и танцевали до упаду. Со временем мы перестали ходить на вечеринки – какая в них радость, если мне все равно придется полвечера сидеть в телефоне, разбирая сообщения и комментарии. А может, нас просто перестали приглашать.

Мало-помалу мой блог превратился из скромного журнала в нескончаемый радиоэфир, где тысячи слушателей, независимо от их адекватности, получают неограниченное эфирное время. Благодаря сторис – пятнадцатисекундным видео, захватившим нашу жизнь, – у меня к голове как будто приклеена экшн-камера, снимающая нас днем и ночью. Я даже в туалет не могу сходить спокойно – борюсь с позывами выложить видео в сторис для публичного обсуждения.

Иногда я захожу в свой старый аккаунт, сборную солянку из нераспланированных рандомных постов, и сама себя не узнаю. Листаю фото – Эмми жует тост с авокадо, обнимает Полли на пикнике в парке, стоит с Дэном на фоне Эйфелевой башни, пьет шампанское на свадьбе, – и завидую.

Кто мог предвидеть, что «Инстаграм» вторгнется в нашу жизнь и в корне ее изменит? Говорят, там уже миллиард пользователей. Каждый день туда загружается сто миллионов фотографий. Уму непостижимо.

Тем не менее я не наивная дурочка, решившая стать крутым блогером и заработать кучу денег. Дэн понимал, во что

мы ввязываемся, мы с ним все обсудили еще до запуска ПростоМама. В тот момент никто из нас не предполагал, что проект так быстро наберет обороты, мы станем знаменитыми и будем чувствовать себя настолько незащищенными.

Вчера Дэн очень сильно перепугался.

Я много раз предупреждала, чтобы он ни на секунду не сводил глаз с Коко. Именно поэтому мне не по себе, когда за нашей девочкой присматривает его мама; не могу отделаться от мысли, что она полезет в сумочку за носовым платком, а в это время Коко выедет на велосипеде на проезжую часть и попадет под грузовик. Помимо обычных опасностей, подстерегающих трехлетнего ребенка – например, сунуть палец в розетку или подавиться пятипенсовой монеткой, – как минимум миллион человек (и не все из них хорошие) знают Коко в лицо, ее имя, возраст, любимое блюдо, любимую телепередачу.

Разумеется, Дэн был в своем репертуаре. После истории в «Уэстфилде» он принялся подвергать себя самобичеванию, строить душераздирающие версии развития событий и в красках расписывать собственные страдания. Пришлось проглотить раздражение, гнев и страх из-за пропущенных звонков, отмененной встречи с агентом и невозможности оставить мужа с ребенком хотя бы на три минуты. Вместо того чтобы задать ему хорошую трепку, я погладила его по плечу и заверила, что ничего страшного, с каждым могло случиться.

Только вот случилось это не с каждым, а именно с ним. И если я не устроила Дэну скандал, это не означает, что я на него не злюсь. Легко могу представить, как все произошло. Готова поклясться: когда Коко сбежала, мой муж записывал в телефон очередную идею для романа – поворот сюжета, удачную реплику... Так и вижу, с каким выражением лица он это делал: нахмурившись, поджав губы, полностью погрузившись в себя.

Родители двоих детей, находящиеся в браке столько же, сколько мы с Дэном, хорошо знают, каково это – полыхать праведным гневом или тихо кипеть от негодования, потому что кто-то занимался неизвестно чем, вместо того чтобы делать свое дело. В данном случае – присматривать за ребенком. Кому как, а для меня безопасность моей дочери – задача первостепенной важности.

Разумеется, мысленно Дэн вывернул ситуацию так, будто это я во всем виновата.

После вчерашнего поспешного бегства я надеялась, что смогу отделаться телефонным разговором, однако Айрин настояла на личной встрече. Поскольку Медвежонок, маленький ненасытный обжора, не может долго обходиться без груди, пришлось упаковать этого слингоненавистника в зимний комбинезон и проделать тот же изнурительный путь второй раз подряд. Я зареклась тащить тяжелый кулек на пятый этаж, поэтому попросила стажера поносить его вокруг дома, чтобы он не проснулся.

Честно говоря, я стараюсь по возможности не приезжать к Айрин в офис. Неоновые вывески, рисунки Трейси Эмин³ и дорогая мебель в стиле «модерн пятидесятых» служат наглядным свидетельством, на что уходит ее гонорар, то есть двадцать процентов моего годового дохода. Мне доподлинно неизвестно, сколько именно зарабатывает Айрин, но исходя из того, что она владеет армией самых высокооплачиваемых блогеров по эту сторону Атлантики, содержит фирму со штатом в сорок сотрудников, имеет офис рядом с магазином «Либерти», элитный таунхаус в районе Бэйсуотер и дом на юге Франции, ее доход легко можно вычислить.

Улучшению моего настроения совершенно не способствовало то, что я провела вчерашний вечер – после того как привела Дэна в чувство, – отвечая на сообщения в директ. Чем неадекватнее подписчики, тем выше градус жизнерадостности моих ответов: еслиотреагирую недостаточно бодро, разведут нитье в комментах или наябедничают желтым сайтам, что я чересчур зазналась. Поэтому я весело пишу пенсионеру, который подписан на меня еще со времен «Босоножки» и постоянно просит фото моих босых ног: «Ха-ха, извини, Джимми, я уже упаковала свои мозолистые пятки в уютные тапочки!» Мужчине, приславшему стихи о родах: «Спасибо большое, Крис, обязательно выкрою время и вдумчиво их почитаю».

³ Трейси Эмин (р. 1963) – английская художница, одна из наиболее известных представительниц группы «Молодые британские художники».

Следовало догадаться, что сочувствия от Айрин не дождешься.

– Эмми, это все издержки профессии, – смеется она. – Если б ты работала в муниципалитете или в колл-центре, тебе пришлось бы общаться с куда более неадекватными людьми.

Айрин не желает слушать о вчерашнем происшествии и о том, как оно сказалось на Дэне, на мне и на наших отношениях, поэтому записывает меня к своей клиентке, доктору Фэйрс. Опытный психотерапевт, доктор Фэйрс специализируется на издерганных блогерах и злобных «троллях», у нее более ста тысяч подписчиков, ежедневные посты с хэштегом #добрымантры и одноименная линия товаров по уходу за собой. Обязательное условие контракта – клиенты Айрин должны минимум один час в месяц проводить на кушетке у психотерапевта.

А еще она заставляет всех своих подопечных проходить личностный тест.

– Хочу знать, кто мои блогеры – нарциссы или социопаты, – как-то пошутила Айрин, когда я поинтересовалась, зачем ей это нужно. – Нет теста – нет контракта. – Не уверена, что это тоже была шутка.

По правде говоря, сеанс у психотерапевта пойдет всем нам только на пользу. Я знаю Айрин много лет: даже у айсберга больше душевной теплоты. Все ее слова и поступки продиктованы исключительно честолюбием. Когда мы познакомились, я работала в журнале, а она представляла интересы

всех мало-мальски сексуальных актрис Британии и подгоняла их на фотосессии. Это была самая лучшая часть моей работы – каждый месяц создавать шедевры с участием роскошных женщин и роскошных нарядов: летать в Лос-Анджелес, в Майами, на остров Мистик, проводить время в окружении модельеров и фотографов, визажистов и журналистов, а потом через несколько недель видеть результат своего труда в газетных киосках.

Невыразимое удовольствие – смотреть на снимки, читать на обложке свое имя, знать, что я создала нечто стоящее: красивую вещь, которую люди заметят, возьмут в руки, полюбят и сохранят. Я думала о школьницах, покупающих эти журналы, представляла, как они приносят их домой, на окраину, и наслаждаются каждой фотографией, каждым словом, совсем как я когда-то. Меня согревала мысль, что эти девочки держат стопку журналов рядом с кроватью и листают страницы с изображениями красивых людей и дорогих вещей, чтобы хоть на мгновение сбежать от ничем не примечательной суетной жизни.

Да-да, я в курсе, школьницы больше не покупают глянцевые журналы. Именно поэтому я осталась без работы.

Айрин заранее предвидела такой исход. Как-то после фотосессии мы с ней пошли выпить, и она рассказала о своем новом бизнесе. «Чувствую – будущее за соцсетями. Хватит с меня актрис. Слишком много таланта, слишком много самомнения. Надо вкладывать деньги в блогеров, они более по-

датливы. Почти как люди, только двухмерные».

Айрин хватило благоразумия, чтобы понять – за супермоделями и королевами красоты ей не угнаться, поэтому она создала собственных звезд – если можно так выразиться, специалистов по продвижению товаров – в нишевых сегментах. Я стала одной из первых ее клиентов. Признаюсь, вначале она немного сжульничала и с помощью ботов накрутила мне несколько тысяч подписчиков для разгона, зато остальные пришли сами. Айрин помогла организовать группу взаимопиара из пяти инстамамочек; мы обманывали алгоритмы «Инстаграма», ставя лайки, мгновенно комментируя посты друг друга и тем самым отправляя их в топ ленты новостей наших подписчиков. Я поддерживала ведущую позицию в группе с таким же тщанием и заботой, с каким глава фирмы отслеживает положение компании в списке лондонской фондовой биржи.

Айрин снимает дорогие дизайнерские очки, отбрасывает волосы, приподнимает изогнутую бровь. Прямая угольно-черная челка подчеркивает резкие черты лица и гладкую кожу, настолько безупречную, будто на нее наложили фильтр «Кларендон». Кстати, такого никогда не бывало, – как наркодилер не употребляет свой товар, так и Айрин не имеет аккаунтов в соцсетях. Она пролистывает список грядущих мероприятий ПростоМамы, в том числе съемку в рекламе туалетной бумаги, запись подкаста и присутствие на церемонии вручения премии «Мама на высоте».

– Все пытаюсь связаться с «Би-би-си Три», но они пока не ответили. Буду держать тебя в курсе, – говорит она, дернув плечом.

Айрин, конечно, поддерживает мои планы выйти на телевидение и использовать привлеченных мной подписчиков для построения личного бренда Эмми Джексон в офлайне, независимо от ПростоМамы, но явно не верит, что я способна стать второй Стейси Дули⁴. К несчастью, работники телеиндустрии придерживаются того же мнения. Признаю, в кадре я смотрюсь неубедительно – почему-то честные истории из жизни молодой мамы в виде текста выглядят правдоподобно, а на экране кажутся нелепыми и надуманными, к тому же говорить экспромтом на камеру гораздо труднее, чем снимать сторис на телефон, поэтому у меня глаза бегают и язык заплетается. Однако с «Инстаграмом» дело тоже пошло не сразу – и посмотрите, чего мне удалось достичь. Я играю в долгую: каждое прослушивание не так страшно, как предыдущее, каждая проба перед камерой дается легче.

Я не собираюсь до конца жизни отвечать на четыреста сорок два сообщения в день.

– Нужно обсудить еще кое-что. Следующий месяц будет весьма загруженным. Ты не сможешь провести все мероприятия и поддерживать верхнюю строчку в топе в одиночку, да еще с младенцем, поэтому я нашла тебе помощницу.

⁴ Стейси Дули (р. 1987) – британская телеведущая, журналистка, режиссер документальных фильмов.

Пытаюсь возразить, но Айрин жестом меня останавливает.

– Не волнуйся, все расходы я беру на себя. Вообще-то это одна из моих новых клиенток; я посулила ей уникальную возможность поучиться у звезды. Кстати, довольно милая девушка, любит шляпки... Ее зовут Винтер; она придет к тебе домой в понедельник, в десять утра.

Тема закрыта.

Последние пять минут нашей встречи Айрин перечисляет мои запланированные появления на публике в качестве приглашенной гостьи на радио и телевидении. Обычно на подобных мероприятиях я изрекаю пару бесспорных истин по вопросам материнства, а потом, если получается, упоминаю компанию #серыебудни. У каждого популярного блогера есть излюбленная тема – она дает возможность поддержать разговор, когда о себе сказать уже нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.